

LES LIAISONS DANGEREUSES

A play by Christopher Hampton
Based on a novel by Choderlos de Laclos

TICKET: $25

SEPTEMBER
7-9, 14-16, 18, 21-23 @ 7:30pm

SEPTEMBER
10 & 17 @ 3pm

SOUTH OF BROADWAY THEATRE
www.southofbroadway.com

843.745.0317
1080 East Montague Ave, Park Circle
Presented by special arrangement with Samuel French, Inc.

South of Broadway is the future resident theatre company of Daniel Island Performing Arts Center.

Опасные связи

Кристофер Хэмптон, Шодерло де Лакло

Аннотация
Кристофер Хэмптон Опасные связи
Акт первый
Акт Второй
Акт третий

Аннотация

Спектакль «Опасные связи» поставлен по пьесе известного современного английского драматурга Кристофера Хэмптона, созданной по мотивам одноименного бестселлера XVIII века Шодерло де Лакло. Этот ставший сенсацией своего времени остросюжетный роман дает остроумную, яркую и откровенную картину жизни французской аристократии, посвящающей большую часть своего времени адюльтеру и интригам.

Госпожа де Воланж забирает свою дочь Сесиль из монастыря, чтобы выдать замуж за графа де Жеркура. Бывшая любовница Жеркура, когда-то обиженная им, маркиза де Мертей, желая отомстить обидчику, планирует соблазнить юную невесту, чтобы опорочить графа и выставить его посмешищем в обществе. Для осуществления интриги маркиза прибегает к помощи своего друга, известного сердцееда виконта де Вальмона. Главные герои спектакля — коварный соблазнитель виконт де Вальмон и его наперсница по злокозненным замыслам могущественная

маркиза де Мертей затевают жестокую игру по развращению чистых и невинных душ, сделав своими жертвами получившую монастырское воспитание юную аристократку Сесиль и богобоязненную верную жену госпожу де Турвель.

Чем закончится эта интрига, и кто останется в выигрыше?..

Кристофер Хэмптон Опасные связи

Пьеса в трех актах
по роману Шадерло де Лакло

Les Liaisons dangereuses plays by Christopher Hampton (1998)
перевод с английского и редакция Сергея Таска

Действующие лица:
Мадам де **Воланж**
Сесиль Воланж, *ее дочь*
Маркиза де **Метрей**
Мажордом, *в доме маркизы де Мертей*
Виконт де **Вальмон**
Азолан, *камердинер Вальмона*
Мадам де **Роземонд,** *тетушка Вальмона*
Госпожа де **Турвель**
Эмилия, *куртизанка*
Шевалье Дансени
Слуги в домах Метрей, Роземонд, Турвель и Вальмона

Действие разворачивается в течение осени и зимы (середина восьмидесятых годов XVIII века) в гостиных и спальнях различных особняков и замков в Париже и его пригородах, а также в Венсенском лесу.

Акт первый

Сцена первая

Теплый августовский вечер.

Гостиная в особняке маркизы де Метрей в Париже. Маркиза, видная дама, вдова со средствами, играет в пике со своей кузиной Воланж, также вдовой. Рядом с последней сидит ее дочь Сесиль, миловидная стройная блондинка лет пятнадцати, которая рассеянно следит за игрой матери и изредка прикрывает зевок ладонью. В гостиной все говорит о роскоши. Карты большого формата шлепаются на стол.

Метрей прерывает игру и с некоторой озабоченностью смотрит на Сесиль.

Метрей. Дорогая…

Сесиль, витавшая в облаках, вздрагивает и не сразу соображает, что обращаются к ней.

Так ты окончательно оставила монастырь?

Сесиль. Да, мадам.

Метрей. И как тебе мирская жизнь?

Сесиль. По-моему, все замечательно. Так чудесно: у меня теперь своя спальня и будуар.

Воланж. Я ей говорю: «Сиди и помалкивай, пока тебя о чем-нибудь не спросят». А то все невпопад. Вчера решила, что башмачник пришел к нам отобедать.

Сесиль. Зачем вы так, маман. Просто он меня напугал: упал на колени да как схватит за ногу!

Метрей. А ты уже подумала, что он собирается сделать тебе предложение.

Сесиль. Я…

Вспыхнув, умолкает.

Метрей. Можешь, моя милая, не продолжать. Скоро ты ко всему привыкнешь. Надо будет подумать о твоих развлечениях.

Игра возобновляется, все молчат.

Входит Мажордом, быстро направляется к хозяйке и что-то шепчет ей на ухо.

(*Со вздохом).* Хорошо, я его приму.

Мажордом с поклоном выходит. Метрей поворачивается к своим гостям.

Вальмон.

Воланж. Вы его принимаете?

Метрей. Так же, как и вы.

Воланж. Я подумала, что в этой ситуации…

Метрей. В какой ситуации? По-моему, мне не в чем себя упрекнуть.

Воланж. Напротив. Сколько я могу судить, ваше поведение выше всех похвал.

Метрей. …в противном случае он не появился бы в моем доме.

Сесиль наморщивает лоб, пытаясь понять, о чем речь. Воланж поясняет для нее.

Воланж. Едва ли ты его помнишь, дитя мое, хотя в обаянии месье виконту не отказать. Но так уж он устроен, что прежде чем открыть рот, он обязательно прикинет, в кого бы выпустить запас своего яда.

Сесиль. Зачем же вы его принимаете, маман?

Воланж. Все принимают. Он знатен, богат и отменно учтив. В обществе, ты это скоро поймешь, на многое приходится смотреть сквозь пальцы. Сначала все об этом сожалеют, но в конце концов привыкают. Что же касается Вальмона, то многие побаиваются приобрести в его лице врага. Никто не испытывает к нему ни малейшего уважения, однако, все с ним подчеркнуто обходительны.

Умолкает.

Входит Мажордом, за ним — Виконт де Вальмон. Он необыкновенно элегантен. Поклон, который он отвешивает Метрей, относится, как бы и к остальным дамам.

Мажордом выходит.

Вальмон. Мадам.

Метрей. Виконт.

Воланж. Какая приятная неожиданность.

Вальмон. Я счастлив видеть вас, мадам.

Воланж. Моя дочь — Сесиль. Вы, может быть, ее помните.

Вальмон. Разумеется. Кто бы мог подумать, что бутон превратится в такой цветок.

Сесиль отворачивается с жеманной улыбкой. Вальмон обращается к хозяйке дома.

Я уезжаю и решил зайти проститься.

Метрей. Мы вам не позволим. Уезжаете? Зачем?

Вальмон. Август в Париже! И вообще, пора навестить мою старую тетушку, я ее совсем забыл.

Метрей. У вас замечательная тетушка. Она принимает такое деятельное участие в молодых людях, что сама сумела сохранить молодость. И

все же…

Воланж. Пожалуйста, передайте от нас мадам де Роземонд нежнейший привет. Она была так добра, что пригласила нас пожить в ее замке, и я надеюсь в скором времени…

Вальмон. Непременно, мадам. Не стану больше отвлекать вас от игры.

Воланж. По-моему, мне пора остановиться, пока я все не проиграла.

Наступает пауза, и тут все замечают, что Сесиль спит.

Вальмон. Я вижу, наш разговор увлек вашу дочь.

Вальмон смеется, к нему присоединяется Метрей. Сесиль просыпается, как от толчка, она смущена.

Сесиль. Извините, я…

Воланж. Я думаю, нам пора.

Сесиль. В монастыре в девять часов уже спят.

Вальмон. И правильно делают.

Дамы встают. Метрей делает знак лакею, чтобы тот проводил их к выходу. Ритуал прощения.

Оставшись вдвоем, Вальмон и Метрей некоторое время разглядывают друг друга. Метрей

прерывает молчание, тон ее голоса совсем иной.

Метрей. Навестить тетушку?

Вальмон. Да.

Метрей. С какой стати? Разве она не распорядилась оставить вам все свое состояние?

Вальмон. Да, но есть еще привязанность, семейный дом и все такое.

Метрей. Вы знаете, почему я вас позвала сегодня?

Вальмон. Смею надеяться, вам приятно мое общество.

Метрей. Вы должны совершить небольшой подвиг. Потом опишете в мемуарах.

Вальмон. Боюсь, что у меня не останется времени на мемуары.

Метрей. У меня останется.

Молчание.
Вальмон отвечает улыбкой.

Вы помните Жеркура? Он оставил меня.

Вальмон. Да.

Метрей. И связался с вашей любовницей, не помню уже, как ее звали.

Вальмон. Да-да.

Метрей. Со мной этого еще никто себе не позволял. С вами, полагаю, тоже.

Вальмон. Признаться, я был рад от нее избавиться.

Метрей. Как бы не так.

Молчание.

Жеркур с непревзойдёнными занудством любил повторять: «Когда придет мое время бросить якоря, я выберу ту, которая будет обладать известными качествами».

Вальмон. Мы.

Метрей. У него была смехотворная теория, что блондинки изначально скромнее и достойнее уважения, чем прочие девицы. А еще он отдавал безоговорочное предпочтение монастырскому образованию. И вот он нашел идеальную пару.

Вальмон. Сесиль Воланж?

Метрей. Браво, виконт.

Вальмон. Шестьдесят тысяч годовых, которые за ней дают, вероятно, такие повлияли на его расчеты.

Метрей. А хоть бы и сто двадцать тысяч. Уверяю вас, будь она брюнеткой и без монастырского образования, он бы даже не посмотрел в ее сторону. Поймите, для него главное — гарантированная добродетель.

Вальмон. Я, кажется, начинаю догадываться, к

чему вы клоните.

Метрей. Жеркур вместе со своим полком пробудет на Корсике до октября. Времени более чем достаточно.

Вальмон. Вы хотите…

Метрей. Такой розанчик.

Вальмон. Вы полагаете?

Метрей. А когда после медового месяца они вернутся в Париж, над ним будет смеяться весь город.

Вальмон. Гм…

Метрей. Любовь и мщение — два ваших конька.

Молчание.

Вальмон взвешивает про себя ее предложение, с улыбкой качает головой.

Вальмон. Нет, не могу.

Метрей. Простите?

Вальмон. Вы знаете, как мне трудно ослушаться вашего приказа. Но, право, не могу.

Метрей. Почему?

Вальмон. Слишком легкая добыча. Да-да. Пятнадцать лет, ничего не видела, ничего не знает, сгорает от любопытства… я не успею развернуть букет цветов, как она уже пригласит меня в свою

постель. Тут любой справится. Я не могу ставить под удар свою репутацию.

Метрей. Вы недооцениваете эту девушку. Она прехорошенькая, в ней есть какая-то томность…

Вальмон. Ну да, спит на ходу. Почему бы вам не послать к ней Беллероша?

Метрей. Беллерош — идеалист.

Вальмон. Какая жалость. Я всегда подозревал, что в нем есть какой-то изъян.

Метрей. У нее есть поклонник — молодой Дансени. Он даже иногда поют дуэтом.

Вальмон. И он мечтает о том, чтобы влиться в экстазе?

Метрей. Да, но он столь же робок, и неопытен, как и она. Мы не можем на него рассчитывать. Сами видите, деваться вам некуда.

Вальмон. Ужасно не хочется вас огорчать.

Метрей. Похоже, вы и в самом деле намерены отказать мне. Я вас правильно поняла?

Молчание.
Вальмон встречает ее взгляд.

Вальмон. Видно, придется все объяснить.

Метрей. Вне всякого сомнения.

Вальмон. М-да. Ну что ж. Вы знаете, я еду в деревню к моей, можно сказать, бессмертной

тетушке. Дело в том, что это как бы первый шаг к осуществлению самого, может быть, дерзкого из всех моих замыслов.

Метрей. Продолжайте.

Вальмон. Видите ли, в настоящее время моя тетушка живет не одна. В ее доме остановилась молодая особа. Мадам де Турвель.

Метрей. Так.

Вальмон. Она и есть мой замысел.

Метрей. Вы шутите.

Вальмон. Отчего же? Соблазнить женщину, о которой известно, что она отличается добронравием, набожностью и счастлива в браке — что может быть почетнее?

Метрей. А по-моему, это ниже человеческого достоинства — вступить в сотрудничество с супругой. Проиграть — унизительно, победить — тривиально. Кстати, где ее супруг?

Вальмон. Разбирает в Бургундии какое-то запутанное дело. Как мне доподлинно известно, тяжба затянется не на один месяц.

Метрей. Я отказываюсь верить. Она даже одеваться не умеет. Зашнурована до самых ушей, чтобы, не дай Бог, чего-нибудь не оголить.

Вальмон. Насчет туалетов вы, пожалуй, правы.

Метрей. Сколько ей?

Вальмон. Двадцать два.

Метрей. И замужем она…

Вальмон. Два года.

Метрей. Знаете, что вас ждет в случае успеха?

Вальмон. Что же?

Метрей. То, чем привычно пользовался ее муж. Рассчитывать на физическое наслаждение, по-моему, не стоит. Она из породы тех, кто не дает волю своим чувствам. Если вы и заставите ее сердце биться учащенно, причиной тому будет не любовь, а страх. Вы меня иногда удивляете, виконт. Выставлять себя на посмешище из-за совершенного ничтожества.

Вальмон. Я попросил бы вас выбирать выражения. Вы говорите о женщине, которую я…

Метрей. Да?

Вальмон. Которой я увлечен.

Молчание.
Вальмон улыбается.

После вас я впервые увлечен так сильно.

Метрей. И вы упустите счастливый случай отомстить?

Вальмон. Я принужден отказаться.

Метрей. Вовсе нет. Я никому не скажу о вашей

патологической страсти.

Вальмон. Я не могу позволить вам оскорблять свою избранницу… во всяком случае, пока она мне не отдалась. Я также не могу согласиться с вашей теорией наслаждения. Видите ли, в мои намерения вовсе не входит борьба с ее предрассудками. Я хочу, чтобы она продолжала верить в Бога, добродетель и священные узы брака — и при этом не сумела себя остановить. Иными словами, я хочу страсти. Не той, которая нам давно приелась, столь же холодной, сколь и никчемной, такая страсть перестала доставлять мне наслаждение. Нет, я хочу пережить волнение, видя, как она предает все, что обставляет смысл ее жизни. Вам ли это объяснять? Разве «предательство» — не любимое слово в вашем лексиконе?

Метрей. О нет… «жестокость». В нем я слышу истинное благородство.

Вальмон. Вы невозможны, вы в сто раз хуже, чем я могу стать. С тех пор, как мы взялись осуществить эту невинную затею, вы обратили в нашу веру столько язычников, что я с моими скромными успехами чувствую себя неопытным семинаристом.

Метрей. Так оно и есть. Вы бы еще влюбились.

Вальмон. Что ж, если любовь — это, когда ты

думаешь о своем предмете с утра до вечера и грезишь о нем с вечера до утра, то я, пожалуй, влюблен. Вот почему она должна стать моей — я сразу перестану быть смешон.

Метрей. Вы, кажется, забыли: любовь — не зыбучие пески, которые засасывают, а вспомогательное средство. Вроде вазелина, умягчающего саму природу.

Они смотрят друг на друга.

Вальмон. Что Беллерош?

Метрей. Вот кто действительно влюблен. Я было решила бросить его неделю назад, даже затеяла ссору, но у него, бедняжки, был такой убитый вид, что я сжалилась, и мы провели совершенно сказочную ночь. После этого, разумеется, он сделался еще настойчивее. Но я держу его на расстоянии — и я им весьма довольна. Когда-нибудь он поймет: самозабвенно отдаются тому, кого решили оставить.

Вальмон. Стало быть, вы его пока не оставляете?

Метрей. Нет. Я же сказала: я им очень довольна.

Вальмон. Он ваш единственный любовник?

Метрей. Да.

Вальмон. Вам следовало бы завести еще одного. В этой избирательности есть что-то нездоровое.

Метрей. Уж не ревнуете ли вы?

Вальмон. Конечно, ревную. Беллерош вас недостоин.

Метрей. Мне казалось, он ваш близкий друг.

Вальмон. Именно поэтому я хорошо знаю, что говорю. Одним словом, почему бы вам ему не изменить? Например, со мной?

Метрей. Но ведь мы решили: для нас обоих гораздо важнее остаться друзьями, чтобы всегда можно было во всем довериться друг другу.

Вальмон. А вы думаете, что это всего лишь дополнительное препятствие, призванное еще больше разжечь наше желание?

Метрей. Вы отказываете мне в мелкой услуге, и хотите, чтобы я пошла навстречу вашим желаниям.

Вальмон. Вы поставили передо мной слишком простую задачу. Я даже не почувствую вкуса победы. Согласитесь, я должен быть верен своему предназначению. И не ронять своей профессиональной чисти.

Метрей. Ну, что же…

Долгое молчание.

Они смотрят друг на друга, в глаза друг другу,

она — с улыбкой, он — с горящим взором.

В таком случае возвращайтесь, после того, как одержите вашу победу над мадам де Турвель.

Вальмон. И?

Метрей. И вы получите… вознаграждение.

Вальмон. Любовь моя.

Метрей. Но я потребую от вас заверения.

Вальмон, Разумеется.

Метрей. Письменного.

Вальмон. Помилуйте…

Метрей. Не будем спорить.

Вальмон встает и раскланивается. Метрей взирает на него с улыбкой.

Вальмон. Не может быть, чтобы вы не нашли человека, который бы вам помог разобраться с крошкой Воланж.

Метрей. Она милашка. Держись я менее строгих правил, я бы сама с ней разобралась.

Вальмон. Вы поразительная женщина.,

Метрей. Благодарю вас.

Вальмон. Вот только жаль, что вы доверяете мне не настолько, чтобы прежде вознаградить меня, а уже потом…

Метрей. Покойной ночи, виконт.

Виконт целует ей руку, неохотно выпускает ее из своей, несколько секунд словно чего-то ждет, наконец, уходит.

Сцена вторая

Спустя три недели. Ранний вечер. Гостиная в загородном замке Роземонд. Сквозь французские окна пробиваются лучи закатного солнца. Вальмон расспрашивает своего камердинера Азолана, франтоватого молодого человека, которому весьма идет охотничий наряд.

Вальмон. Так он все понял?

Азолан. О да, сударь. Он с вас глаз не спускал, а я — с него.

Вальмон. Лучше бы он вникал толком в суть происходящего, вместо того, чтобы следовать за мной как тень. Когда я присел отдохнуть, он так возился, так пыхтел за кустами, что я его чуть не лягнул. Но тогда, пожалуй, он бы совсем отстал.

Азолан. Он вас понял, и когда вы ушли, он все растолковал своей семье.

Вальмон. Кстати, о семье. Выбор удачный.

Азолан. Спасибо, сударь.

Вальмон. Всеми уважаемая, благородная до

слез, и дочки не слишком смазливые… это могло бы повредить делу. Удачно.

Азолан. Я стараюсь, сударь.

Вальмон. И расход не такой уж обременительный. Пятьдесят шесть ливров, чтобы спасти от разорения большую семью… вполне приемлемо.

Азолан. Ваша милость, таких семей в каждой деревне сыщется полдюжины.

Вальмон. Да? Вот тебе и ответ на загадку, почему люди так охотно занимаются благотворительностью. Эта смиренность поз и благородные взгляды. Я был тронут.

Азолан. Я, сударь, даже прослезился.

Вальмон. Как продвигаются твои дела со служанкой?

Азолан. С Жюли? Сказать по правде — скучновато. Если бы от этого не зависел успех вашей милости, я бы предпочел ограничиться одним разом. Допускаю, что она рассуждает так же, но, согласитесь, чем еще можно заниматься в деревне?

Вальмон. М-да. Однако меня интересовали не столько интимные подробности, сколько ее готовность передавать мне письма мадам де Турвель. И потом, будет ли она держать язык за зубами?

Азолан. Не думаю, что она прикарманит чужие письма.

Вальмон. Не прикарманит, говоришь?

Азолан. Вы сами знаете, сударь, как легко их склонить к тому, чего они сами хотят. А вот если их надо склонить к тому, чего хотите вы, тут уж приходится выкручивать свои мозги.

Вальмон. Им, я думаю, тоже.

Азолан. А что она должна держать язык за зубами, я ей говорить не стал. А то она сразу все выболтает.

Вальмон. Не исключено… Вот что, мадам де Турвель посоветовали, чтобы она меня остерегалась. Она сама мне в этом призналась. Не иначе какая-то услужливая подруга черкнула ей несколько строк. Надо узнать — кто?

Азолан. На вашем месте, сударь, я бы не придавал этому большого значения. Если уж она позволила вам последовать за ней сюда, все остальное — вопрос времени.

Вальмон. Ты так считаешь?

Азолан. К тому же она наверняка носит письма в кармане.

Вальмон. Жаль, что я не карманный вор. Отчего наши родители не учат нас чему-то полезному?

Задумывается.

Где у тебя с Жюли свидание?

Азолан. В моей комнате.

Вальмон. Сегодня ночью — тоже?

Азолан. Боюсь, что да.

Вальмон. Пожалуй, придется вас побеспокоить. Проверю, не действует ли шантаж сильней, чем подкуп. Два часа ночи — тебя устроит? Не хочется тебя смущать. До двух уложишься?

Азолан. Еще бы.

Вальмон. Вот и отлично.

Азолан. Стало быть, вы уже не будете ей ничего давать?

Вальмон. Ну, если она согласится носить письма, я думаю, мы можем себе позволить проявить великодушие. Что ты на это скажешь?

Азолан. Деньги ваши, сударь.

Вальмон. Не беспокойся, я не забуду о твоем вкладе.

Азолан. Ваша милость, так добры ко мне.

Вальмон вскидывает голову — приближается женские голоса. Он снова обращается к Азолану.

Вальмон. Исчезни. Увидимся ночью.

Азолан. Да, сударь. Вы ее найдете в таком виде, что она уже не скажет, будто забежала за платяной щеткой.

Азолан уходит в одну дверь.

Роземонд и Турвель входят в другую. Первая в свои восемьдесят четыре года и при артрите жива, умна, отзывчива; второй двадцать два года, красива и, опровергая отзыв Метрей, одета в изящный балахон простого полотна. Она в сильном возбуждении.

Роземонд. А вот и он. Я же вам говорила.

Вальмон встает, раскланивается. При виде его Турвель не может скрыть своего волнения.

Вальмон. Мадам.

Роземонд. Мадам де Турвель собирается открыть нам какую-то тайну.

Турвель. Вам, мадам. Только вам.

Вальмон. В таком случае я, пожалуй, пойду пройдусь.

Турвель. Нет, нет, это касается вас тоже… то есть вас это касается в первую очередь. Собственно, я должна учинить вам маленький допрос.

Вальмон. Извольте. Вот только помогу тетушке.

Вальмон усаживает Роземонд в кресло и снова поворачивается к Турвель.

Я к вашим услугам, мадам.

Турвель. Месье, куда вы отлучались сегодня утром?

Вальмон. Гм. Как вам известно, я засветло отправился на охоту.

Турвель. Кого-нибудь подстрелили?

Вальмон. Увы. Большего невезения мне я не припомню со дня моего приезда. К тому же я неважный стрелок.

Турвель. И на кого же вы в этот раз охотились, виконт?

Вальмон. Простите, я не совсем понимаю…

Турвель. Не запирайтесь, месье, я знаю, где вы утром были.

Роземонд. Объясните мне, наконец, что все это значит.

Турвель. Жоржу, моему лакею, случилось утром быть в деревне…

Вальмон. Смею думать, вы не слушаете, о чем сплетничают слуги.

Турвель. Я вижу, месье де Вальмон намерен решительно отмалчиваться, что ж, придется рассказать мне. В деревне живет семья, отец семейства долго болел и оказался не в силах уплатить налоги. Сегодня к ним пожаловал судебный пристав, чтобы увезти их жалкий скарб. Ваш племянник, которые ранее посылал в деревню своего

камердинера разузнать, кто особенно бедствует, является в этот самый момент, выплачивает все долги и делает солидное вспомоществование, дабы семья смогла встать на ноги.

Роземонд. Дорогой, это правда?

Вальмон. Я… это был просто… да.

Роземонд поднимается с кресел и раскрывает объятия.

Роземонд. Мой дорогой мальчик, позволь прижать тебя к груди.

Вальмон идет ей навстречу, они обнимаются. Затем Вальмон с сияющей улыбкой и распростертыми руками направляется к Турвель. По лицу последней пробегает гримаса испуга, но делать нечего: Вальмон сжимает ее в объятиях. Наконец, он выпускает ее, и она, побледневшая, завороженно на него смотрит, тогда как он, отвернувшись, смахивает набежавшую слезу.

Это так на тебя похоже: никому ничего не сказать.

В установившейся паузе Турвель подходит к натянутому на раму гобелену и берет иголку с уже вдетой ниткой. Однако у нее так дрожат руки, что она вынуждена воткнуть иголку в

игольницу.

Дорогой, завтра мы должны навестить эту семью — вдруг мы сможем еще чем-то помочь.

Турвель. Прекрасная мысль.

Вальмон. Да вы, тетушка, садитесь.

Роземонд. Нет, мне нужно разыскать месье кюре. Это недолго. Пока он не ушел, я непременно должна рассказать ему этот случай, он будет в восторге.

Она суетливо покидает гостиную. И сразу воцаряется долгое молчание. Турвель предпринимает новую, более решительную попытку совладать с гобеленом. Вальмон усаживается напротив, выжидательно наблюдает за ней.

Смеркается. Стремясь овладеть ситуацией, Турвель прерывает затянувшееся молчание.

Турвель. В голове не укладывается. Как человек со столь великодушными порывами может вести такой развратный образ жизни?

Вальмон. Боюсь, что у вас преувеличенное представление как о моем великодушии, так и о моей порочности. Если бы я знал, кому обязан нелестными выражениями в мой адрес, я мог бы защищаться, поскольку я этого не знаю, ограничусь признанием в том, что я слаб.

Турвель. Вы называете милосердие слабостью?

Вальмон. Видите ли, моя ужасная репутация имеет свое оправдание. Я вращался среди людей безнравственных и с легкостью поддавался их влиянию. Моему тщеславию льстило, если удавалось их затмить. И вдруг — вы…

Турвель. Вы хотите сказать, что вы бы этого не сделали…

Вальмон. Без вашего примера, да. Это был не более, чем отраженный луч ваших добродетелей.

Пауза, в продолжение которой Турвель в растерянности оставляет вышивание и, постояв секунду-другую, опускается на краешек шезлонга.

Видите, как я слаб? Дал себе слово, что вы ничего не узнаете, но стоило мне вас увидеть…

Турвель. Месье…

Вальмон. Будьте покойны, мои намерения чисты, у меня и в мыслях нет оскорбить вас. Просто я вас люблю, я вас обожаю.

В одно мгновение он оказывается в другом конце гостиной, падает на колено и берет ее руки в свои.

Умоляю, помогите мне!

Турвель, освободившись, разражается слезами.

Что с вами?

Турвель. Я так несчастна!

На какой-то миг тень улыбки пробегает по лицу Вальмона, но когда он заговаривает, его голос дрожит.

Вальмон. Но почему?

Турвель. Оставьте меня!

Вальмон встает с колена и направляется на прежнее место, стараясь не выдать своего истинного состояния.

Вальмон. Мне не следовало ничего говорить, я понимаю простите. Но, право же, вам нечего опасаться. Совершенно. Скажите, что мне делать, укажите мое место, я подчинюсь.

Турвель удается овладеть собой и взглянуть ему в глаза.

Турвель. Я смела думать, что могу рассчитывать хотя бы на ваше уважение.

Вальмон. Я ли вас не уважаю!

Турвель. Тогда выкиньте все из головы, ни слова более, вы меня оскорбили, вам нет прощения.

Вальмон. В мою пользу, согласитесь, говорит, по крайней мере, то, что я был с вами честен.

Турвель. Напротив. Теперь я вижу, все, что я слышала о вас — правда. Я даже думаю: нет ли тут продуманной интриги?

Вальмон. Когда я решил навестить тетушку, я знать не знал, что вы остановитесь в ее доме. А если бы и знал — это ничего бы не изменило. Поймите, до встречи с вами мне дано было испытать одно только чувство — страсть. Любовь — ни разу.

Турвель. Довольно.

Вальмон. Нет, позвольте. Дайте мне возможность оправдаться. Я здесь не из-за вашей красоты, хотя и не мог не обратить на нее внимание. Вспомните, я не уехал раньше только потому, что тетушка — при вас! — попросила меня остаться.

Турвель. Месье…

Вальмон. Нет, ваша красота — это не главное. Меня поразила ваша доброжелательность, меня потянуло к ней, я не понимал, что со мной творится. Стоило вам уйти, и я начинал испытывать физическую боль… и тогда меня осенило: я влюблен, впервые в жизни. Разумеется, я понимаю, всю безнадежность моего положения, но что мне в том, если я стал другим, если я не стремлюсь

обладать вами, нет. Все, к чему я стремлюсь, это быть достойным вас.

Турвель решительно встает.

Турвель. Я вынуждена оставить вас, месье. Вы упорно навязываете мне признания, которые я не могу и не хочу выслушивать.

Вальмон. О нет, прошу вас, сядьте, сядьте. Я ведь уже сказал, я сделаю все, что вы ни пожелаете.

Пауза. Скрещенные взгляды. Турвель садится.

Турвель. У меня есть к вам просьба.

Вальмон. Какая? Что я должен сделать?

Турвель. Впрочем, разве я могу обращаться к вам с просьбой, это поставит меня в положение обязанной, а я бы этого не хотела.

Вальмон. Что вы, нет, умоляю, если вы столь добры, что позволите мне быть вам полезным, это я буду вам обязан.

В мимолетном взгляде Турвель, который она бросает на Вальмона, читается свойственная ей прямота.

Турвель. Ну, хорошо. Я хочу, чтобы вы покинули этот дом.

На мгновение у Вальмона вытягивается лицо, как у классного шахматиста, зевнувшего ферзя.

Вальмон. Но я не вижу в этом необходимости.

Турвель. Будем считать, что вся ваша жизнь делает это необходимым.

Вальмон уже обрел равновесие и сообразил, как ему действовать.

Вальмон. Что ж, если такова ваша воля. Ваше слово для меня закон.

Наступил черед Турвель удивляться.

Вы мне позволите предупредить тетушку о моем отъезде… за сутки?

Турвель. За… д-да, конечно.

Вальмон. Завтра утром среди моей почты я найду письмо, требующее моего незамедлительного возвращения в Париж.

Турвель. Благодарю. Я вам буду весьма признательна,

Вальмон. Могу я набраться смелости и попросить вас об ответной любезности?

Турвель хмурится, не зная, что ответить.

Мне кажется, было бы справедливо, если бы вы назвали того, кто бросил тень на мое имя.

Турвель. Вы отлично понимаете, месье, что это невозможно. Если меня предостерегли от общения с вами, то исключительно в моих же интересах, так могу ли я отплатить низким предательством? Мне жаль, что вы готовы сразу обесценить свой великодушный поступок, стремясь извлечь из него выгоду.

Вальмон. Хорошо. Будем считать, что я этого не говорил. Ну, а если я вас попрошу позволить мне писать к вам, я надеюсь, вы не скажете, что я стремлюсь извлечь выгоду?

Турвель. Но…

Вальмон. Я также смею надеяться, что вы не оставите мои письма без ответа.

Турвель. Я не уверена, что замужняя женщина может позволить себе подобную переписку. Поймите, мной руководит не чувство ненависти или негодования, но…

Вальмон. Но что?

Турвель в замешательстве. И вновь, проявляя необыкновенную проворность, Вальмон проносится через всю гостиную, падает на одно колено и берет ее руку. Она пытается сопротивляться.

Турвель. Бога ради, месье, оставьте меня!

Вальмон. Я лишь хочу вам сказать то, что еще

минуту назад казалось мне невозможным: прощайте.

Он целует ей руку. На короткое время она сдается, хотя на лице страдальческая гримаса, затем она возобновляет сопротивление, он тотчас выпускает ее руку, встает и отвешивает поклон.

Ждите моего письма.

Вальмон быстрым шагом скрывается в темноте, успевая обнаружить сдавленное рыдание. Турвель точно вросла в свой шезлонг. На лице ужас.

Сцена третья

Спустя два дня. Ночь. Предместье Парижа. Спальня в доме Эмилии, куртизанки. Она лежит в объятиях Вальмона, зрачки поблескивают в пламени свечи. Вальмон о чем-то задумался. ЭМИЛИЯ пошевелилась, и он одаривает ее улыбкой.

Вальмон. А я всегда считал, что голландцы умеют держать выпивку.

Эмилия. Три бутылки бургундского и бутылка коньяка. Кого угодно свалит с ног.

Вальмон. Он столько выпил?

Эмилия. Ты сам ему наливал.

Вальмон. Я надеюсь, ты еще не успела по нем соскучиться.

Эмилия. Не говори глупости. Просто незачем было сваливать его, как куль, в карету.

Вальмон. Беднягу так развезло. Я подумал, что будет лучше, если мой кучер отвезет его домой.

Эмилия. Его дом здесь.

Вальмон. Да? А я думал, это твой дом.

Эмилия. Владелец он, а я так, сбоку припека. Он во Франции почти и не бывает, все время в разъездах. Бедный.

Насмешливо улыбается.

Вальмон. Надеюсь, мой кучер сообразил, в какую сторону.

Эмилия. По-моему, соображать ему вовсе необязательно: ты отлично знаешь дорогу и наверняка дал ему подробные указания.

Вальмон. Подробные указания?

Эмилия. Вот именно.

Пауза.

Вальмон. Эмилия, ты не находишь, что это верх неприличия — говорить о посторонним,

лежа в постели со мной? Придется тебя наказать. Перевернись на живот.

Эмилия в некотором сомнении поднимает на него глаза, затем на губах появляется улыбка.

Эмилия. Ну, перевернулась.

Выполнив приказ, она выгибает назад голову в ожидании продолжения.

Вальмон. У тебя есть перо, чернила и бумага?

Эмилия озадачена и отвечает не сразу.

Эмилия. Есть. Там, в ящике бюро. Зачем тебе?

Вместо ответа Вальмон выбирается из постели, пересекает комнату, находит в бюро все необходимое и возвращается. Он осторожно устанавливает чернильницу с пером, откидывает простыню, расправляет лист бумаги на спине Эмилии, в ложбинке, пристраивается поудобнее и обмакивает перо в чернильницу.

Вальмон. Смотри, не двигайся.

Эмилия, хотя она все еще озадачена, безропотно подчиняется. Вальмон начинает писать.

«Моя дорогая мадам де Турвель… на-

конец-то я сижу… за письменным столом…»

Эмилия все поняла. Она с улыбкой приподнимается, чтобы встретиться с ним взглядом.

Я сказал: «не двигайся».

Продолжает.

«…ночь выдалась бурная, и мое возбуждение то сменяется упадком сил, то вспыхивает сильнее прежнего. Я склонился над этим посланием в позе, которая, может быть, впервые дает мне почувствовать, сколь безгранична власть любви. Я едва владею собой, мне трудно собраться с мыслями, и все же, несмотря на все муки, готов поклясться, что в эту минуту я гораздо счастливее вас. Надеюсь, вы тоже испытаете когда-нибудь это странное волнение, а пока, с вашего разрешения, я предприму необходимые шаги, чтобы как-то утихомирить захлестнувшую меня горячую волну».

Отложив бумагу и перо с чернильницей, он пристраивается к Эмилии, которая лежит непо-

движно.

Допишем позже, не возражаешь?

Затемнение.
Конец 1 акта

Акт Второй

Сцена первая

Десять дней спустя. Сентябрь, полдень. Вальмон с Метрей пьют чай в ее роскошной гостиной.

Метрей. Похоже, вы совершили серьезную тактическую ошибку. Надо было взять ее тогда же, прямо в шезлонге, вы не находите?

Вальмон. В любую минуту могла войти тетушка или кюре.

Метрей. Вот вы бы их и развлекли. Они такого сроду не видели.

Вальмон. Нет, нет. Это было преждевременно. Я хочу, чтобы она сдалась после упорного сопротивления.

Метрей. Что ж, ее сопротивление отбросило вас до самого Парижа.

Вальмон. Но ведь она разрешила мне писать ей.

Метрей. Допустим невероятное: ваше красноречие прервало оборонительные редуты… вас все равно не окажется рядом, чтобы развить успех,

не так ли? А завтра бреши уже будут заделаны.

Вальмон. Да, конечно, письма — слабое утешение, но у меня, в сущности, не было выбора. По крайней мере, я нашел способ не оборвать ниточку.

Метрей. Вам видней.

Вальмон. Вы неисправимый скептик, а для меня эта пора самая упоительная: когда ты знаешь, что она тебя любит, и все же сомневаешься в победе.

Метрей. Так вы, стало быть, знаете, что она вас любит?

Вальмон. Разумеется. Я оставил там своего человека. Его глаза держат мадам де Турвель, а руки — служанку. После того как я накрыл его со служанкой в постели, она сразу сделалась сговорчивой. Получив мое первое письмо, мадам де Турвель ушла с ним на свою половину и перечитывала, со слезами и вздохами, много часов кряду. Так что вывод напрашивается сам собой.

Метрей молчит, но во взгляде читается сомнение.

Кстати, с помощью служанки мне удалось узнать еще одну любопытную подробность.

Метрей. Да?

Вальмон. Угадайте, кто предостерегал в письмах мою красавицу от общения с гнуснейшим развратником, каких свет не видывал, то есть со мной? Ваша кузина, черт бы ее побрал, эта сучка де Белани.

Метрей хохочет.

Вам хорошо смеяться, а мне теперь наверстывать упущенное.

Метрей. Я не над вами.

Вальмон. Она хотела, чтобы я был подальше от мадам де Турвель, — и вот я здесь, но я заставлю ее пожалеть об этом. Как там ваш план в отношении ее дочери? Есть продвижение? Могу ли я чем-нибудь помочь? Я весь к вашим услугам.

Метрей. Мой дорогой виконт, ваше присутствие весьма кстати. С минуты на минуту должен появиться Дансени, я хочу, чтобы вы укрепили в нем боевой дух. А затем я устрою маленькую сценку, которая, надеюсь, вас развлечет.

Вальмон. И что ваш Дансени? Делает успехи?

Метрей. Хуже ни бывает. Как все интеллектуалы, он неподражаемо глуп. На редкость недееспособный мальчик. Очаровательный, но безнадежный.

Вальмон. Я желал бы знать, как обстоят дела

на сегодняшний день.

Метрей. Сесиль и Дансени влюблены друг в друга по уши. Она спросила меня, прилично ли ей писать ему письма. Я сказала «нет», а потом «да»… при условии, что она будет мне показывать послания обеих сторон. Я устроила им свидание, но Дансени до того оцепенел от собственной учтивости, что не осмелился к ней даже прикоснуться. Вся его энергия уходит на стихи, от которых тем меньше проку, чем они изобретательнее. Когда он наконец ушел, малышка вздохнула: «Ах, мадам, если бы на его месте были вы!..» И, знаете на какой-то миг эта мысль меня тоже захватила.

Вальмон. Иной раз, глядя на вас, я спрашиваю себя: из какой пены вы появились?

Метрей. Это получилось само собой: я женщина. Моя мать вовремя поспешила выдать меня замуж, и хотя меня уже тогда распирало любопытство, я успела девственницей попасть в объятия господина де Мертея. Вообще он мне не слишком докучал. А когда его присутствие сделалось обременительным, он тактично умер. Год моего траура я употребила на то, чтобы завершить свое образование. Моралисты наставляли меня, как надо выглядеть в свете, философы — что следует думать, романисты — как можно выпутаться из

любой ситуации. После такой школы мне оставалось только отшлифовать свое мастерство…

В гостиную входит Мажордом, за ним кавалер Дансени, рыцарь Мальтийского ордена, пылкий молодой человек лет двадцати, красивой наружности. Он спешит навстречу Метрей и в низком поклоне целует ей руку. Затем поворачивается к Вальмону.

Мажордом выходит.

Дансени. Виконт.

Вальмон. Мой дорогой шевалье. Какая приятная встреча.

Дансени обращается к Метрей, он запыхался.

Дансени. Простите, мадам, надеюсь, я не слишком поздно?

Метрей. Не уверена.

Видя искренность его раскаяния, она смягчается.

Как вам известно, мадемуазель де Воланж…

Дансени. Какое счастье — слышать ее имя!

Метрей. Да, да, я с вами согласна. Так вот, мадемуазель де Воланж оказала мне честь, сделав меня конфиденткой и наставницей в деле, каса-

ющемся вас обоих.

Дансени. Она поступила в высшей степени мудро.

Метрей. Да… в общем, у меня возникло ощущение, что в этой деликатнейшей ситуации вам также не мешало бы заручиться поддержкой опытного, отзывчивого наперсника, которому вы могли, бы довериться. Вы знаете виконта де Вальмона, как моего давнего друга и человека безупречного воспитания, лучшего выбора, поверьте, вам не сделать. Виконт любезно согласился посвятить себя нашим интересам, так что слово за вами.

На лице Вальмона появляется гримаса досады, но к моменту, когда Дансени, в свою очередь слегка обескураженный этим предложением, поворачивается к виконту, тот — сама учтивость.

Дансени. Я…

Вальмон. Если причина вашего колебания — моя репутация, уверяю вас, не всегда наши собственные ошибки отражаются на нашей собственной способности судить объективно.

Дансени. Нет, конечно, нет, я бы не посмел, что вы… просто… это не какая-то там интрига с це-

лью… я хочу сказать, моя любовь и уважение…

Вальмон. Одним словом, мы имеем дело не с легкомысленной кокеткой или скучающей женой?

Дансени. Именно!.. Вы так все сразу поняли.

Метрей. А что я вам говорила.

Дансени. Поверьте, я буду совершенно счастлив, если все останется как есть… только б она согласилась видеть меня, петь со мной дуэтом…

Вальмон. Дуэтом, о!

Снова входит Мажордом и что-то шепчет на ухо хозяйке дома. Она так же тихо отдает ему приказание, он кланяется и выходит.

Я, конечно, ни в коей мере не навязываю вам своего расположения…

Дансени. Помилуйте…

Вальмон. Но я льщу себя надеждой, что вы удостоите меня чести оказывать вам услуги.

Дансени. Это вы, месье, оказываете мне честь. Всякая встреча с вами для меня подарок судьбы. Может быть, вы соблаговолите…

Метрей. Шевалье, мне неприятно прерывать вас, но, боюсь, вам надо идти. Ко мне пожаловала мадам де Воланж. Теперь вы понимаете, почему я была так озабочена вашим опозданием.

Дансени. А что если мне воспользоваться этим удачным случаем и засвидетельствовать ей свое почтение в надежде…

Метрей. Месье Дансени, будет благоразумнее, если это произойдет не здесь и не сейчас. Поверьте… если вы еще не поверили, что моя помощь может принести желаемые плоды. Лакей уже ждет.

Дансени. Разумеется. Вам видней, мадам.

Метрей. Прощайте, шевалье. Мой слуга покажет вам другой выход.

Дансени спешит поцеловать ей руку. У самой двери Вальмон его перехватывает.

Вальмон. Завтра я еду в Версаль. Я не знаю, захотите ли вы составить мне компанию.

Дансени. О, с удовольствием.

Вальмон. В таком случае в девять за вами заедет моя карета.

Дансени исчезает вместе с лакеем. Вальмон поворачивается к Метрей.

Это и есть та сценка, которую вы мне пообещали?

Метрей. Благоволите стать за ширмой.

Она показывает, в ее голосе сквозит нетерпение.

Вальмон направляется к ширме, останавливается.

Вальмон. Не лучше ли встретить ее лицом к лицу? И изобличить в грубых инсинуациях?

Метрей. Живо!

Едва он успевает спрятаться за ширмой, как Мажордом вводит в гостиную Воланж. Метрей, приняв озабоченный вид, встает ей навстречу и целует ее в обе щеки.

Воланж. Вы написали в своей записочке «срочно»…

Метрей. Последние дни я себе места не находила. В конце концов я сказала себе: это мой долг. Прощу вас, садитесь.

Воланж заметно нервничая, присаживается, тогда как Метрей расхаживает взад-вперед со страдальческим выражением лица.

Воланж. Что-нибудь с Сесиль?

Метрей. Возможно, я ошибаюсь. Видит небо, я была бы счастлива ошибиться.

Умолкает. Воланж не на шутку встревожена.

Воланж. Продолжайте.

Метрей*(набрав в легкие побольше воздуху)*. У

меня есть основания полагать, что между вашей дочерью и кавалером Дансени возникла… как бы лучше выразиться… опасная связь…

Молчание.

Воланж сильно озадачена — как впрочем, и Вальмон, выглядывающий из-за ширмы. Воланж тотчас берет себя в руки.

Воланж. Нет, нет, исключено. Сесиль сущий ребенок, она еще ничего не смыслит в таких делах, а Дансени ведет себя безупречно.

Метрей. Охотно верю. Но позвольте вас спросить: Сесиль со многими состоит в переписке?

Воланж. Ну, кой-кому она пишет. Родне, подругам по монастырю… А что?

Метрей. Как-то раз я постучала к ней, и не дождавшись ответа, вошла. И увидела, как она поспешно сунула письмо в левый ящик бюро, где я, успела заметить, лежала целая пачка похожих писем.

Молчание.

Воланж встает.

Воланж. Я вам очень признательна. С вашего позволения я пойду.

Метрей. Надеюсь, вы не сочтете мое вмеша-

тельство слишком бесцеремонным.

Воланж. Ну что вы.

Метрей. Я также надеюсь, что, если вы, не дай-то бог, найдете почти нечто компроментантное, Сесиль не узнает, кому она обязана этим открытием, мне бы не хотелось лишиться ее доверия. Мои советы еще могут пригодиться.

Воланж. Несомненно.

Метрей звонит в колокольчик. Воланж никак не придет в себя.

Метрей. Я не покажусь вам назойливой, если позволю себе еще один совет?

Воланж. Нет-нет.

Метрей. Если мне не изменяет память, вы говорили виконту де Вальмону, что его тетушка приглашала вас с дочерью погостить у нее в замке.

Воланж. Да, и неоднократно.

Метрей. Жизнь вдали от города может пойти Сесиль на пользу, а тем временем страсти улягутся.

Воланж. Возможно. Все же я думаю, вы ошибаетесь.

Метрей. Хорошо бы.

Входит Мажордом. Метрей подает ему знак

обождать. Воланж стоит в задумчивости, озабоченная новой мыслью.

Воланж. Кажется, виконт сейчас в замке?

Метрей. Насколько я понимаю, он вернулся в Париж.

С чувством обнимает Воланж.

Если я себе все это вообразила, завтра мы посмеемся над моей глупостью. Только бы вы зла на меня не держали.

Воланж. Дорогая, я никогда не забуду вашего участия.

Воланж покидает гостиную в сопровождении Мажордома. Вальмон раньше времени выходит из-за ширмы, и гримасничает у нее за спиной.

Метрей*(шипит)*. Прекратите.

Вальмон. Итак, насколько вы понимаете, я вернулся в Париж?

Метрей. Вы искали осложнений.

Вальмон. Вы само воплощение зла.

Метрей. Искали случая заставить страдать мою кузину. У вас свой повод для мести, у меня свой. Похоже, вам не избежать поездки.

Вальмон. К милой тетушке?

Метрей. К милой тетушке. Где вас ждет еще

одно дело. Да, вы, кажется, должны были мне дать известные заверения?

Вальмон. Почему бы вам не сделать великодушный жест? Положитесь на мой опыт, считайте, что я уже дал вам эти заверения, и мы спокойно можем…

Метрей. В письменном виде, виконт.

Вальмон пускает в ход свою обворожительную улыбку, однако она оставляет Метрей равнодушной.

А сейчас вы должны оставить меня.

Вальмон. Должен? Это зачем?

Метрей. Затем, что я проголодалась.

Вальмон. Между прочим, у меня тоже разгорелся аппетит.

Метрей. Так поезжайте домой и отобедайте.

Пауза.

Вальмон приближается к Метрей и легко касается губами ее руки.

В письменном виде.

Вальмон отвечает ей улыбкой и, повернувшись, выходит.

Сцена вторая

Неделю спустя. После обеда. Гостиная в замке мадам де Роземонд. Турвель, мертвенно бледная, откинулась в шезлонге. Сесиль вышивает, сидя у дверей в сад. Роземонд и Воланж за картами. Один Вальмон ходит из угла в угол, переводя взгляд с Турвель на Сесиль и обратно.

Роземонд. Тебе будет приятно услышать, мой дорогой, что Арманд встал на ноги и снова приступил к работе.

Вальмон. Кто?

Роземонд. Арманд, ну как же. Чью семью ты облагодетельствовал.

Вальмон. Ах, да.

Он садится и пристально разглядывает Турвель. Встретив ответный взгляд, переводит взгляд на Сесиль, затем снова на Турвель, которая, к его радости, спешит делать вид, будто не интересовалась его особой.

Роземонд*(обращаясь к Воланж)*. Вы знаете, мои племянник…

Вальмон резко встает, не сводя глаз с Турвель.

Вальмон. Вам плохо, мадам?

Все разом повернули головы

Простите, тетушка, что прерываю ваш разговор. Мне вдруг показалось, что мадам Турвель нездоровится.

Турвель. Мне… ничего особенного.

Роземонд и Воланж спешат к Турвель, которая, несмотря на ее робкие протесты, действительно больна. Вальмон незаметно бросает на колени Сесиль письмецо. Та застывает с иголкой в руке и только после выразительных жестов Вальмона быстро прячет письмо в карман. Он делает ей знак присоединиться к дамам, склонившимся над больной. Сесиль останавливается на почтительном расстоянии от центра всеобщего внимания, рядом с Вальмоном.

Роземонд. Дорогая, вы ужасно бледны.

Турвель. Все хорошо.

Воланж. Вам, верно, не хватает воздуха. Трудно дышать, да?

Турвель. Нет, ничего…

Вальмон. Мадам де Воланж, как всегда права. Свежий воздух может пойти на пользу.

Роземонд. Да, да, проедемся по саду, сейчас еще тепло.

Турвель. Ну, что ж…

Она позволяет накинуть на себя шаль и уходит, поддерживаемая двумя дамами.

Воланж. Еда, наверное, была слишком жирная.

Роземонд. Нет, тут что-то другое. Соланж готовит превосходно…

Сесиль накинула на плечи шаль, чтобы последовать за остальными, как вдруг чувствует, что кто-то стягивает с нее шаль. Она уже в руках Вальмона, который кидает ее на стул и шепчет сквозь зубы.

Вальмон. Потом за ней вернетесь.

Сесиль хмурится и выходит следом за причитающими дамами, в сад.

Пауза.

Вальмон, довольный собой, прохаживается по комнате. Возвращается Сесиль и останавливается в проеме. Вальмон с шалью идет к ней.

Мадемуазель, я не хочу вызывать подозрений, поэтому я буду краток, я вас попрошу быть пре-

дельно внимательной. Письмо, которое я вам передал, как вы, наверное, уже догадались, от нашего друга кавалера Дансени.

Сесиль. Я так и подумала, месье.

Вальмон. Вы должна также понимать, что быть связным между вами — задача не из простых. Я не могу каждый день изыскивать новые способы.

Сесиль. Знаете, маман отняла у меня бумагу и перья.

Вальмон. Вот видите. Теперь слушайте меня внимательно: в буфете, что слева от двери в вашу спальню, вы найдете бумагу, чернильницу и перья.

Сесиль. Ах, сударь?

Вальмон. Письма шевалье, после прочтения, будете отдавать мне. Так надежнее.

Сесиль. Вы думаете?!..

Вальмон. Уверен.

Извлекает из жилетного кармана ключ.

Этот ключ похож на ключ от вашей спальни, который я знаю, ваша матушка держит у себя на камине… тот, что на голубой ленте. Вы подмените ключ, а я с него сделаю дубликат, и через два часа вы получите его обратно. После этого я смогу беспрепятственно передавать и забирать

письма. Держите.

Сесиль неуверенно протягивает руку.

Да, вот еще. На нижней полке, в том же буфете, пузырек с растительным маслом на перышке. Смажете петли, чтобы дверь не скрипела.

Сесиль. Месье, вы уверены, в этом нет ничего дурного…

Вальмон. Поверьте, мадемуазель, если что-то и претит моей натуре, так это плутовство. Только нежнейшая дружба с Дансени вынуждает меня прибегнуть к подобным методам.

Сесиль с растерянной улыбкой прячет ключ.

А сейчас я вам советую присоединиться к маман и остальным, пока они не объявили розыск.

Сесиль. Да, месье. Спасибо, месье.

Берет шаль и убегает в сад. Вальмон задумчиво смотрит ей вслед.

Вальмон. Не стоит благодарности.

Устроившись с книгой в кресле, принимает непринужденную позу и погружается в чтение.

Сцена третья

Спустя две недели. Спальня Сесиль. Девушка крепко спит. После паузы звук поворачиваемого ключа. Дверные петли смазаны маслом, и Вальмон бесшумно входит в спальню. Он в ночной рубашке. В руке фонарь. Постояв над спящей, тихо ставит фонарь и осторожно тянет на себя одеяло.

Девушка ворочается, но не просыпается. Вальмон накрывает ей рот ладонью. Сесиль, открыв глаза, испуганно таращится на Вальмона, тот ободряет ее улыбкой.

Вальмон*(вполголоса)*. Все хорошо.

Он снимает ладонь, но Сесиль продолжает таращиться.

Сесиль. Вы при… вы принесли письмо?
Вальмон. Письмо? А, нет, нет…
Сесиль. Так почему?

Вместо ответа Вальмон наклоняется к ее губам. После короткой яростной схватки Се-

силь удается ускользнуть от поцелуя, зато ее застает совершенно врасплох рука, залезающая под ночную сорочку. Глаза у нее расширяются от ужаса, но крик не успевает вырваться: вторая рука Вальмона зажимает рот.

Отчаянно извиваясь, она предпринимает попытку дотянуться до колокольчика, но Вальмон вовремя перехватывает ее кисть. Снова яростная схватка, из которой он выходит победителем.

Вальмон. Поберегите силы. Интересно, что вы скажете маман, если она прибежит. Как вы ей объясните, откуда у меня ключ? Если я ей скажу, что я здесь по вашему приглашению, она ведь мне, пожалуй, поверит.

Они лежат бок о бок, отходя от борьбы.

Сесиль. Что вы от меня хотите?

Вальмон. Даже не знаю. Вам, наверное, виднее?

Сесиль. Не надо. Ну, пожалуйста.

Вальмон. Хорошо. Тогда поцелуйте меня.

Сесиль. Поцеловать?

Вальмон. Больше ничего.

Сесиль. И тогда вы уйдете?

Вальмон. И тогда я уйду.

Сесиль. Обещаете?

Вальмон. Да.

Сесиль со стоном откидывается на подушки и произносит едва слышно.

Сесиль. Я согласна.

Вальмон склоняется над ней и надолго приникает к губам. Наконец, он от нее отрывается, однако рука и не думает оставлять завоеванную позицию.

Вы удовлетворены?
Вальмон. Очень мило.
Сесиль. Я не об этом. Теперь вы уйдете?
Вальмон. Боюсь, что нет.
Сесиль. Бы же обещали.
Вальмон. Я сказал, что уйду, если вы меня поцелуете. Разве вы меня поцеловали? По-моему, я вас поцеловал. А это не одно и то же.

Молчание.
Сесиль жалобно смотрит на Вальмона, тот невозмутимо ждет своего.

Сесиль. А если я вас поцелую?
Вальмон. Я же сказал.
Сесиль. Вы правда обещаете?
Вальмон. Только давайте сначала устроимся

поудобнее.

Сесиль. Нет, правда?

Накрыв ее и себя одеялом, Вальмон приподнимается на локте, чтобы лучше ее видеть. Его рука опять соскальзывает к потайному месту. Сесиль вздрагивает.

Пожалуйста, не надо.

Вальмон. Я уберу руку, после поцелуя.

Сесиль. Обещаете?

Вальмон. Да, да.

Сесиль. Клянетесь?

Вальмон. Клянусь. Ну-ка, обнимите, меня.

Сесиль, зажмурившись, награждает его долгим, неожиданно страстным поцелуем. Вдруг она отклоняется насколько это возможно, в ее расширенных зрачках застыло изумление. Рука Вальмона медленно вылезает из-под одеяла. Сесиль лишилась дара речи.

Вот видите! Я же сказал, что уберу руку.

Сцена четвертая.

Спустя два недели. Спальня Вальмона в том же замке. Сейчас здесь никого нет. Две свечи тускло озаряют комнату. Вхо-

дит Вальмон с фонарем, за ним — Сесиль. Оба в ночных сорочках. Сесиль обводит спальню оценивающий взглядом.

Вальмон. Видишь, ничуть не меньше твоей, зато здесь ты можешь кричать сколько тебе вздумается.

Подойдя к кровати, нажимает на матрас.

И матрас потверже.
Сесиль. Это хорошо?
Вальмон. Еще бы.

Сесиль с гиканьем сбрасывав с себя сорочку и впрыгивает на кровать. Порезвясь немного ныряет между простыней. Вальмон, стоя, на нее смотрит.

Сесиль. Ну, что же вы?

Вальмон вытягивается на кровати, заложив руки за голову.

Вальмон. Первое, что ты должна запомнить: никогда не надо торопиться.

Протягивает руку, чтобы погладить Сесиль.

Второе. Как во всякой науке, прежде всего сле-

дует научиться называть вещи своими именами.

Сесиль. Вот еще, тратить время на разговоры!

Вальмон. Без точных изящных определений — как ты дашь мне понять, чего бы ты хотела, или ты предложишь то, что могло бы понравиться мне?

Сесиль. Так вы скажите и…

Вальмон. Видишь ли, как твой репетитор, я должен быть уверен, что в свою первую брачную ночь моя ученица сумеет преподнести маленькие сюрпризы месье де Жеркуру.

Сесиль. А он будет недоволен?

Вальмон. Можешь не сомневаться. Он решил, что мама, выполняя родительский долг, ввела тебя в курс дела.

Сесиль *(смеется)*. Чтобы мама о чем-то таком заговорила?!

Вальмон. Почему бы нет. В свое время она была одной из самых бойких девиц Парижа.

Сесиль. Мама?

Вальмон. Представь себе. Правда, она могла похвастаться скорее энтузиазмом, чем мастерством, но слава о ней гремела. Был замечательный эпизод… тебя тогда еще не было на свете… Когда она остановилась в доме графини де Болье, и та, проявив большой такт, отвела ей комнату между

апартаментами твоего будущего отца и месье де Бресака, на тот момент ее официального любовника. Невзирая на столь плотное окружение, она ухитрилась провести ночь с третьим мужчиной.

Сесиль *(смеется)*. Все это враки. Обыкновенные сплетни.

Вальмон. Уверяю тебя, именно так все и было.

Сесиль. Откуда вам знать?

Вальмон. Третьим был я.

У Сесиль отвисает челюсть. Несколько мгновений она с ужасом глядит на Вальмона. Тот вкрадчиво улыбается. И вдруг она непроизвольно улыбается в ответ. Вальмон откидывает одеяло.

К этой теме мы можем вернуться позже. В перерывах. Ты спросила меня, будет ли месье Жеркур доволен твоими навыками. Даже если нет, я думаю, ты без труда найдешь тех, кто их оценит по достоинству. Образование всегда оправдает себя.

Привлекая ее к себе.

Начнем, пожалуй, с латинского термина.

Сцена пятая

Поздний вечер следующего дня. Гостиная. На ломберном столике разбросаны карты.

Входит Турвель. Бесцельно движется по комнате, поглядывая на двери. Когда в дверях неожиданно появляется Вальмон элегантный, но без привычной живости, Турвель вздрагивает и, шагнув к столику, начинает собирать карты.

Вальмон. Вы одна, мадам.

Входит в гостиную. Турвель в замешательстве.

Турвель. Все рано ушли спать. Мадемуазель де Воланж едва держалась на ногах.

Вальмон. Я, признаться, тоже устал. Могу я вам помочь?

Потянувшись к колоде, касается ее руки и она роняет карты.

Турвель. Не стоит, кто-нибудь из слуг…

Она делает несколько неуверенных шагов в на-

правлении шезлонга. Вальмон наблюдает.

Вальмон. Я так рад вас видеть. Какая жалость, что наша сегодняшняя прогулка не состоялась…

Турвель. Да…

Вальмон. Смотрите, что с погодой. Какие уж там прогулки.

Турвель. Сегодня настоящий ливень.

Вальмон. А через неделю все мои дела здесь будут закончены.

Турвель. Вот как…

Останавливается, пораженная этой новостью. Вальмон начинает подбираться к ней поближе.

Вальмон. Однако может получиться так, что я не смогу заставить себя уехать.

На лице Турвель борются противоречивые чувства.

Турвель. Ну что вы. Вы должны ехать.

Вальмон. Вы по-прежнему желаете от меня избавиться?

Турвель. Вы знаете ответ. Я всецело полагалось на ваше честное слово и великодушно. Я хочу, чтобы моя благодарность к вам оставалась неизменной.

Вальмон. Вы уж меня простите, но она мне

ни к чему. Благодарность — это то, чем с нами расплачиваются случайные знакомые, от вас я жду чего-то более существенного.

Турвель. Я знаю, что Господь наказывает меня за сомнение. Я была абсолютно уверена, со мной это не может произойти.

Вальмон. Что «это»?

Турвель. Не надо…

Вальмон. Любовь? Вы хотели сказать «любовь»?

Он уже рядом и берет ее за руку. Она вся напрягается, но руки не отнимает.

Турвель. Не спрашивайте. Вы обещали мне не произносить этого слова.

Вальмон. Но я должен знать! Позвольте утешить себя хотя бы этим.

Молчание.

Турвель не решается поднять на него глаза. Между тем Вальмон бросает острый взгляд на шезлонг.

Турвель. Не могу… неужели вы не видите?.. Не требуйте невозможного…

Вальмон. Да, я понял, можете ничего не говорить, но я должен знать, любите ли вы меня, не

говорите, не надо слов, одного вашего взгляда довольно. Взгляните на меня. Это все, чего я прошу.

Долгая пауза.
Турвель поднимает глаза на Вальмона.

Турвель. Да.

Секунду они стоят неподвижно, затем Вальмон выпускает ее руку, с тем, чтобы заключить Турвель в объятия. Вдруг глаза ее стекленеют, и она заваливается набок. Он ее подхватывает. Придя в себя, она начинает вырываться, потом разражается слезами, потом падает на колени и обхватывает его ноги.

Ради всего святого, вы должны оставить меня, если вы не желаете моей смерти, сделайте что-нибудь!.. У меня больше нет сил…

Вальмон помогает, ей подняться. У Турвель стучат зубы, тело сотрясает конвульсии. Вальмон встревожен. Он относит ее в шезлонг и склоняется над ней, чтобы распустить шнуровку корсета. Их взгляды встречаются, и в этот момент между ними что-то происходит. Вальмон отводит глаза, словно устыдясь своих намерений. Ее опять трясет озноб. Он громко зовет прислугу.

Вальмон. Адель!

Делает несколько шагов к двери.

Адель! Мадам плохо!

На его крики прибегает Роземонд и Служанка.

Ей трудно дышать.

Дамы бросаются к Турвель. Вальмон рад возможности скрыться.

Роземонд. Дорогая, я сейчас же пошлю за доктором.

Турвель. Ради Бога, никакого доктора, все уже прошло

Роземонд. Давайте не будем рисковать.

Турвель. Нет, нет, я просто… мне надо с вами переговорить.

Роземонд вздыхает — эта просьба похоже, ее нисколько не удивила. Она отпускает жестом служанку. Та делает книксен и выходит.

Сядьте поближе. Мне надо вам открыться, а это так трудно.

Роземонд присаживается на краешек шезлонга. Турвель берет ее руки в свои.

Я должна уехать… завтра же, чуть свет. Я безнадежно влюблена.

Роземонд кивает, по-прежнему, не выказывая удивления.

Жизнь без него — не жизнь, но я должна, должна так поступить! Не знаю, понимаете ли вы меня.

Роземонд. Да, девочка моя. Понимаю. Этим меня не удивишь. Удивляться можно только одному: мир не меняется. Да, конечно, если вы считаете, что так будет лучше — поезжайте.

Турвель. А дальше? Что вы мне посоветуете?

Роземонд. Если память мне не изменяет, в таких делах советовать бесполезно. Все равно что объясняться с больном, мечущимся в бреду. Начнете выздоравливать, тогда и поговорим.

Турвель. Никогда еще я не была так несчастна!

Роземонд. Увы, те, кто более достоин любви, больше других от нее страдает. Вы слишком молоды, чтобы знать это.

Турвель. Но почему? Почему?

Роземонд. Для мужчины главное — обладать, для женщины — отдавать. Мужчина не способен посвятить себя без остатка одной избраннице. Поэтому наши надежды на то, чтобы обрести

счастье и любовь, всегда немножко горькие. Я с нежностью отношусь к своему племяннику, но если сказанное можно отнести ко всем мужчинам, то к нему — в первую очередь.

Турвель. Да, но… он ведь сжалился надо мной. Я прочла это в его глазах… он не захотел воспользоваться моей беспомощностью.

Роземонд. Значит, дитя мое, вы своим примером сумели в короткий срок сделать его лучше, чище. И если он вас отпускает — поезжайте с Богом.

Турвель. Да.

Она снова разражается слезами, уткнувшись в колени Роземонд, которая начинает гладить ее по голове.

Роземонд. Ну-ну. Даже если бы вы уступили, одному Богу известно, как долго вы сопротивлялись. Ну-ну.

Гладит ее по голове.

Затемнение
Конец второго акта

Акт третий

Сцена первая

Поздние числа октября. Главная гостиная в парижском особняке Вальмона. Сам он пишет за столом. Лакей провидит в залу Мертей и Дансени и уходит. Вальмон встает им навстречу.

Вальмон. Мадам. Мой дорогой шевалье.

Дансени порывисто обнимает Вальмона.

Дансени. Спасибо вам, сударь, за все.

Вальмон из-за плеча Дансени подмигивает Метрей.

Вальмон. Боюсь, что я принес вам одни огорчения.

Дансени. Я, конечно, огорчен, что не вижу Сесиль целый месяц, но зато, благодаря вам, мы сохранили нашу любовь.

Вальмон. Ну, что касается любви она ни о чем другом и не помышляет.

Дансени. Да, в своем последнем письме она

говорит, что даже я не сумел бы добиться того, что чего добились за меня вы.

Вальмон. Благородная душа.

Метрей. Что она еще пишет?

Дансени. Что маман уже не выглядит такой непреклонной. Она, кажется, готова примириться с мыслью о нашем браке.

Метрей. Это было бы замечательно.

Дансени. Ну, как она там, месье? Я ведь с этим спешил к вам!

Вальмон. Цветет. По-моему, деревенский воздух идет ей, на пользу. Даже немного поправилась.

Дансени. Да что вы!

Вальмон. Через две недели они возвращаются в Париж, и она уже сгорает от нетерпения увидеть вас.

Дансени. Не знаю, как я перенесу две недели разлуки.

Метрей. Мы постараемся вас развлечь.

Дансени. Что бы я делал, если бы не ваше дружеское участие!

Метрей. Мой дорогой, не будете ли вы так любезны подождать меня в карете? Мне надо переговорить с виконтом наедине.

Дансени. Разумеется.

Откланивается Метрей, горячо жмет руку Вальмону.

Не знаю даже, как мне вас отблагодарить.

Вальмон. Полно, шевалье, полно. Я получаю от этого истинное удовольствие.

Одарив их обоих обворожительной улыбкой, Дансени выходит.

Вальмон и Метрей разряжается хохотом и падают друг другу в объятия.

Бедный мальчик. Святая простота.

Метрей. Что касается Сесиль, то ее последнее письмо приятно удивило меня своим остроумием.

Вальмон. Рад это слышать. Она его писала под мою диктовку.

Метрей. Виконт, вы неподражаемы.

Вальмон. У меня для вас есть новость, которая вас, надеюсь, позабавит, видимо, новый Жеркур будет Вальмоном.

Метрей. Что вы этим хотите сказать?

Вальмон. У Сесиль двухнедельная задержка.

Лицо Метрей делается озабоченным.

Вас это не радует?

Метрей. Даже не знаю. Вы превысили свои

полномочия.

Вальмон. Я не думаю, чтобы это могло повредить делу. При условии, что они сыграют свадьбу до конца года.

Метрей. Возможно, и все же…

Вальмон. Вы хотели отомстить Жеркуру — я научил его невесту выполнять услуги, за которыми вы не рискнете обратиться ко всякому профессионалу. Вдобавок, я, кажется, сделал ей ребенка. Можно ли желать большего?

Метрей. Вы правы, виконт, свой долг вы выполнили безупречно. Жаль только, что другая пташка вырвалась из ваших рук! Почему вы позволили ей выпорхнуть?

Вальмон. Я был… растроган.

Метрей. Даже так? Ну, тогда, неудивительно, что вы сваляли дурака.

Вальмон. Кто мог подумать, что она способна на такое коварство?

Метрей. Бедняжка. Наконец-то предложить самое ценное, что у нее есть, и обреченно ждать, когда этим воспользуются — тут нужно ангельское терпение.

Вальмон. В другой раз этот номер у нее не пройдет.

Метрей. Другого раза, я так понимаю, не будет.

Вальмон. Это почему же. Мой план не может дать осечку.

Метрей. Как? Новый план?

Вальмон. С гарантией. В четверг я должен быть у нее. На этот раз — никакой пощады. Она будет наказана.

Метрей. Я рада это слышать.

Вальмон. Вы ни слова не сказали о том, что происходит в вашей жизни.

Метрей. Беллерош получает отставку, уже намечен претендент на его место.

Вальмон. Да? Кто же этот счастливчик?

Пауза.
Метрей взвешивает, говорить ли ему.

Метрей. Пожалуй, я еще не готова назвать вам имя.

Вальмон. Вот как? В таком случае я буду вынужден умолчать о деталях моего нового плана.

Метрей. Резонно.

Вальмон мрачнеет, сбитый с толку.

Вальмон. Как вас прикажете понимать?

Метрей. Никак. Кажется, я заставляю вашего юного друга слишком долго ждать.

Вальмон. Я появлюсь у вас сразу после чет-

верга.

Метрей. Только в случае успеха, виконт. Слишком это утомительно — слушать длинный перечень любовных неудач.

Вальмон. За успех я ручаюсь.

Метрей. Хочется верить. Когда-то вы слов на ветер не бросали. Поймите меня правильно: нельзя же хлопать тенору только за то, что он прочистил горло.

Виконт пытается обнять ее, но она холодно чмокает его в щеку и быстро выходит. Он озабоченно глядит ей вслед.

Сцена вторая

Несколько дней спустя, шесть часов вечера. Гостиная в особняке Турвель, обставленная в строгом вкусе. Хозяйка дома, сидя в кресле, невидящими глазами смотрит на вышивание.

Когда Лакей вводит Вальмона, Турвель делает попытку подняться, но вынуждена снова осесть. Она опускает жестом лакея, рука ее дрожат.

Вальмон после поклона вручает ей пачку писем. Пока она вертит их в руках, он

озирается, отмечает взглядом оттоманку, и уже в следующую секунду их глаза встречаются.

Вальмон. Вы бежали из дома моей тетушки посреди ночи, мои письма к вам возвращаются нераспечатанными… нет, я пришел не за тем, чтобы высказывать упреки. Я хочу одного: получить прощение за боль, которую я вам, кажется, причинил, чтобы закончить свои дни с неотягченной совестью.

Турвель. Ваше решение…

Вальмон. Это жест отчаяния. Вы хотели и вы сделали меня несчастнейшим из людей.

Турвель. Неправда, я всегда желала вам счастья.

Вальмон мгновенно оказывается рядом, падает перед ней на колени и зарывается головой в ее колени.

Вальмон. Разве я могу быть счастлив без вас!

Турвель осторожно, словно пробуя горячую воду, опускает пальцы в волосы Вальмона, потом убирает руку. Виконт поднимает на нее горящий взгляд.

Я должен обладать или умереть!

Турвель встает и нетвердой походкой удаляется в другой конец гостиной. Вальмон с горечью бросает как бы сам себе, однако достаточно громко, чтобы его услышали.

Значит, смерть.

Молчание.
Турвель близка к обмороку. Вальмон показывает, каким невероятным усилием воли ему удается взять себя в руки. Он встает с колен.

Простите. Я мечтал жить для вашего счастья и разрушил его. Я пришел вернуть вам душевный покой и тоже его разрушил. Вот что делает со мной страсть, я оказался перед ней бессилен. Но можете быть спокойны: вы меня видите в последний раз.

Он подбирает с пола письма, которые выронила Турвель.

Эти письма… обманные заверения в вашей дружбе… последнее, что примирило меня с этой жизнью.

Кладет их на стул. Турвель, всерьез обеспокоенная, приближается к Вальмону.

Турвель. Если я вас правильно поняла, вы хотите возвратить их мне. Мне также показалось, что вы одобряете выбор, который меня заставило сделать чувство долга.

Вальмон. Да. И теперь я делаю свой выбор.

Турвель. Какой же?

Вальмон. Единственно возможный. Тот, что положит конец моим страданиям.

Турвель. Что вы хотите этим сказать?

В ее голосе — страх. Вальмон привлекает ее к себе, и на этот раз она не сопротивляется.

Вальмон. Поймите. Я люблю вас. Вам не понять, как разрывается мое сердце. Жертва, что я собираюсь принести, ничто в сравнении с теми, которые я принес, и вам это хорошо известно. Прощайте.

Он делает шаг к выходу, но она стискивает его запястье.

Турвель. Нет.

Вальмон. Пора.

Турвель. Выслушайте меня!

Вальмон. Я должен идти.

Турвель. Нет.

Ноги у нее подкашиваются, и он вынужден ее

подхватить. Он начинает покрывать ее поцелуями, она так же жадно ему отвечает. Он поднимает ее на руки и бережно переносит на оттоманку, а сам опускается рядом на колени. Она обливается слезами, держась за него, как утопающий за соломинку. Он заговаривает с ней, его голос убаюкивающе нежен.

Вальмон. Почему вас так огорчает мысль о том, чтобы сделать меня счастливым?

Слезы Турвель постепенно высыхают, и она поднимает на него глаза.

Турвель. Да, вы правы. Я тоже не смогу жить, пока не сделаю вас счастливым. Я обещаю: никаких отказов и ни каких сожалений.

Целует Вальмона. Он начинает медленно раздевать ее.

Сцена третья

Следующим вечером. Особняк Метрей. Вальмон, опережая Мажордома, врывается в гостиную.

Вальмон. Победа!
Метрей. Наконец-то.

Вальмон. Ради этого стоило ждать.

Метрей смерила его холодным взглядом, но он в такой эйфории, что ничего не замечает.

Метрей. Значит, план не мог дать осечки?

Вальмон. Я выдавал желаемое за действительное, чтобы подхлестнуть самого себя. Но я, конечно, припрятал сильные козыри: угрозы покончить с собой, готовность начать новую жизнь…

Метрей. Не могу сказать, что ваша тактика оригинальна.

Вальмон. Зато эффектна.

Метрей. Ну, рассказывайте.

Вальмон. Так, приехал я в шесть…

Метрей. Подробности совращения, я думаю, можно опустить, они всегда бывают утомительны. Опишите сам процесс.

Вальмон. Это было… ни с чем не сравнимо.

Метрей. Да?

Вальмон. Какое-то волшебство. Полное блаженство растворения друг в друге. Я впервые почувствовал: это сильней чем физическое наслаждение. Она меня потрясла. Кончилось тем, что я упал перед ней на колени и поклялся в вечной любви. И, знаете, в эту минуту — да что

там в минуту, даже несколько часов спустя — я, пожалуй, не отрекся бы от своих слов.

Метрей. Так-так.

Вальмон. Невероятно, правда?

Метрей. По-моему, банально.

Вальмон. Нет-нет, уверяю вас. Но, конечно, отраднее всего то, что теперь, я с полным правом могу потребовать награды.

Пауза.

Метрей отчужденно смотрит на Вальмона.

Метрей. Вы хотите сказать, что пока вы с ней сливались в волшебном экстазе, она успела черкнуть любовную расписку?

Вальмон. Нет. Я не думал, что вы будете настаивать на такой формальности.

Метрей. Знаете, виконт, даже если бы эта расписка лежала у вас в рукаве, я бы, пожалуй, объявила наше соглашение недействительным.

Вальмон. Что это значит?

Метрей. Я не привыкла, чтобы меня брали как вещь.

Пауза.

Вальмон в некоторой растерянности, пытается перехватить инициативу.

Вальмон. Неужели у вас закралась мысль, что на свете может найтись женщина, которую я предпочел бы вам?

Метрей. О, я понимаю, вы бы охотно пополнили свой гарем.

Вальмон. Вы меня не так поняли. То, что вы приняли за самонадеянность, на самом деле — нетерпение.

Лицо Метрей впервые немного смягчается. Вальмон мгновенно улавливает перемену и спешит закрепить успех.

Я все принесу в жертву, все и всех, и вы это знаете.

Метрей. Хорошо, виконт, поговорим спокойно, как старые друзья.

Вальмон. Именно.

Метрей. Вы замечали, что удовольствие имеет одну странную особенность? С него и начинается связь между мужчиной и женщиной, но оно не может сделать эту связь прочной. Если нет любви, от удовольствия один шаг до отвращения.

Вальмон. Весьма спорно.

Метрей. К счастью, достаточно, если любит одна из сторон. Кто-то упивается своей любовью, а кто-то тешится, обманывая.

Вальмон. К чему вы, собственно, клоните?

Метрей. К тому, что мы с вами не вписываемся в эту универсальную формулу. Шулера не играют за одним столом.

Вальмон. Я бы не стал проводить такую аналогию.

Метрей. Вы можете не волноваться, я не собираюсь пересматривать наше согласие. Я просто уезжаю на две недели.

Вальмон. Что это вдруг?

Метрей. Дела.

Вальмон. Раньше у вас не быдло тайн от меня.

Метрей. Я слишком хорошо вижу, вы увлечены этой женщиной.

Вальмон. Вовсе нет. Вы ошибаетесь. Нисколько.

Метрей. Виконт, мы ведь любили друг друга, помните? Да, я думаю, то была любовь. Вы сделали меня тогда счастливой.

Вальмон. И сделаю вновь! Вы ведь не рубили узел, только развязали.

Метрей. Нет, нет. Тут нужны жертвы. Вы на них неспособны, а я их не заслуживаю.

Вальмон. Я готов повторить: любые жертвы! А мое нынешнее увлечение… оно пройдет. Просто сейчас я ничего не могу с собой поделать.

Молчание.
Метрей что-то обдумывает, глядя на него.

Метрей. Когда я вернусь, вы узнаете об этом первым.

Вальмон. Пусть это будет скоро. Я хочу, чтобы это было как можно скорее.

Целует ее. Она, кажется, готова отдаться ответному порыву, но вдруг резко отстраняется и произносит в своей обычной сдержанной манере.

Метрей. Прощайте.

Вальмон кланяется и выходит из комнаты. Метрей некоторое время стоит неподвижно, собираясь с мыслями, затем идет в другой конец гостиной и открывает дверь.
Он ушел.
Появляется Дансени и тотчас с присущей ему пылкостью, заключает Метрей в объятия, но та, как и в предыдущем случае, быстро высвобождается.

Дансени. Я уж думал, он проговорит всю ночь. Когда я с вами, время перестает подчиняться логике: каждый час — как вечность.

Метрей. Мы гораздо лучше поладим, если вы постараетесь избегать выражений из модных

романов.

Дансени*(покраснев)*. Извините…

Метрей*(смягчаясь, треплет его по щеке)*. Ничего. Пойдемте наверх.

Рука об руку направляются к выходу.

Сцена четвертая

Десять дней спустя. Вечер. Гостиная Метрей. На диване раскинулся Дансени, положив голову на колени Метрей, та играет его локонами. В дверях, незамеченный, без сопровождения лакея возникает Вальмон. Понаблюдав за парочкой, он откашливается.

Дансени подпрыгивает, он явно скукожен. Метрей холодно взирает на непрошеного гостя.

Вальмон. Ваш швейцар, мадам, пребывает в убеждении, что вы еще в отъезде.

Метрей. Я вернулась буквально час назад.

Вальмон. И швейцар вас не заметил? Не пора ли вам разобраться с вашей прислугой?

Метрей. Я устала с дороги. Естественно, швейцару было дано указание говорить случайным

посетителям, что я еще не приехала.

Вальмон удерживается от колкости и поворачивается с улыбкой к Дансени.

Вальмон. И вы здесь, мой юный друг! Как бы сегодня швейцар вконец не запутался.

Дансени. Я… гм, да.

Вальмон. Как хорошо, что я вас нашел. Я уже несколько дней вас разыскиваю.

Дансени. Правда?

Вальмон. Мадемуазель Сесиль возвращается в Париж после двухмесячной отлучки. Как вы думаете, о чем она неотвязно думает? Ответ очевиден: наконец-то увидеть своего дорогого шевалье.

Метрей. Виконт, вы избрали неподходящее время для язвительных выпадов.

Вальмон. Мадам, меньше всего я склонен делать сейчас выпады.

Дансени. Говорите.

Вальмон. Ее возлюбленный исчез. Можете себе представить, как она была огорчена и встревожена. Моей импровизации позавидовали бы актеры-итальянцы.

Дансени. Но что с ней? Она здорова?

Вальмон. Д-да. Впрочем, если быть до конца

честным, то нет. Ей было плохо.

Дансени в ужасе вскакивает.

Дансени. Плохо!

Вальмон. Неизвестно, сказались ли тут переживания, но на прошлой неделе пришлось среди ночи вызывать к ней хирурга.

Дансени. Боже!

Вальмон. Успокойтесь, мой друг, сейчас ей намного лучше. Теперь вы понимаете, почему я вас повсюду искал.

Дансени. Господи, и в такую минуту меня не было рядом! Я этого себе никогда не прощу.

Вальмон переводит взгляд на Метрей

Вальмон. Мне бы не хотелось оказаться в роли дурного вестника. Поверьте. Сесиль совсем уже оправилась, говорю вам со слов хирурга. Простите, что побеспокоил.

Извлекает из внутреннего кармана листок бумаги.

Дело в том, что у меня с собой одно письмецо… я подумал, что оно может быть интересно маркизе.

Молчание.

Это камешек в огород Метрей, и ответ дается ей не без усилий.

Метрей. Я вижу, мне надо переговорить с виконтом наедине. Шевалье, вы не подниметесь наверх? Разговор займет несколько минут.

Дансени. Но Сесиль …

Метрей. Время позднее. Утром пошлете узнать о ее здоровье.

Дансени. Вы так считаете?

Метрей. Да.

Дансени. Извините, виконт, что я…

Вальмон. Пустяки, мой мальчик, пустяки.

Дансени. Вы так любезны.

Дансени выходит. Вальмон садится.

Молчание.

Метрей хочет что-то сказать, но Вальмон, опережая, протягивает ей письмо. Метрей бросает на листок беглый взгляд и возвращает его Вальмону.

Метрей. Пишет она так же скверно, как одевается.

Вальмон. Думаю, не ошибусь, предположив, что в данном случае важен не столько стиль, сколько суть. К тому же нам есть что еще обсудить, не правда ли?

Метрей. Надеюсь, никаких сцен из-за Дансени? По чистой случайности, он подъехал к дому в ту же минуту, что и я.

Вальмон. Ах, любовь моя, это недостойно вас. Если Дансени подъехал к дому в ту же минуту, что и вы, то объяснения этому может быть разве только одно: он сидел в вашей карете.

Метрей. Весьма проницательно.

Вальмон. А кроме того, насколько мне известно, минута, о которой мы с вами говорим, имела место два дня назад.

Метрей. У вас хорошие соглядатаи.

Вальмон. Это к вопросу о том, что, когда вы вернетесь, я буду первый, кто об этом узнает. Человек менее великодушный мог бы дать выход своему раздражению.

Метрей. Это не прибавило бы ему обаяния и едва ли сделало бы его доводы более убедительными.

Молчание.

Вальмон, сдерживаясь, решает изменить тактику.

Вальмон. Должен сказать, меня не удивляет ваша скрытность: более неподходящего любовника трудно себе вообразить.

Метрей. Причины моей скрытности меньше всего связаны с тем, подходит он мне или не подходит.

Вальмон. После увальня Беллероша вы могли бы найти кого-нибудь поживее, а этот сентиментальный юноша…

Метрей. Может быть, он и сентиментален, зато бесконечно мне предан, а с учетом ваших настроений он и по другим статьям, вероятно, даст вам фору.

Вальмон. Понятно.

Вальмон, задетый за живое, погружается в молчание. Метрей, перехватив инициативу, напротив, оживляется.

Метрей. Так это правда, что малышка била тяжело больна?

Возвращенный к приятным воспоминаниям, Вальмон несколько приободряется.

Вальмон. Внезапная боль в пояснице подтвердила мой предварительный диагноз. Потребовалась немалая изобретательность, чтобы, не вызвав подозрений у маман, хирург сделал свое дело.

Метрей. Примите мои сочувствии, виконт. Вы

лишились сына, а Жеркур наследника.

Вальмон. Гм. Я думал, это вас обрадует. Помнится, такая перспектива вызвала ваше неудовольствие.

Метрей. После того, как я свыклась с этой мыслью, я стала находить в ней свою прелесть. Как вы смотрите на то, чтобы попытаться еще разок?

Вальмон. Лично мне казалось, что малышку пора вернуть нашему юному шевалье.

Пауза.

Метрей. Нет, я полагаю, еще не время.

Вальмон. Вот как?

Пауза.

Метрей. Если бы я смогла убедиться в том, что вы умеете быть все таким же обаятельным, я бы, пожалуй, пригласила вас на вечер на той неделе.

Вальмон. О?

Метрей. Да, я не разлюбила вас, хотя и досадую на ваши промахи.

Вальмон. Я тронут. Что еще я должен сделать, чтобы заслужить такую милость?

В глазах Метрей вспыхивает мстительный огонек.

Метрей. Один мой хороший знакомый вступил в связь с совершенно недостойной женщиной. Когда ему давали это понять, у него была одна отговорка: «Я ничего не могу с собой поделать», над ним уже потешались. И тогда одна моя хорошая знакомая решила поговорить с ним начистоту. Она обратила его внимание на эту странную лингвистическую причуду, которая уже стала притчей во языцех и грозила сделать его всеобщим посмешищем. Знаете, как он поступил?

Вальмон. Я вас внимательно слушаю.

Метрей. Он отправился к своей возлюбленной и с порога объявил: что он ее бросает. Как вы понимаете, у нее нашлось что сказать в ответ. Однако на все ее возмущенные тирады он твердил одно: «Я ничего не могу с собой поделать».

Долгое молчание. Вальмон встает.

Вальмон. Я прервал ваши классы. С вашего позволения, я откланяюсь.

Метрей с улыбкой провожает его взглядам. Вальмон выходит в глубокой задумчивости.

Сцена пятая

На следующий день. Гостиная в особ-

няке Турвель. Лакей вводит Вальмона и Турвель тотчас вскакивает, не в силах скрыть своей радости. Вальмон скован и озабочен.

После ухода Лакея, он заставляет себя сделать несколько шагов к своей возлюбленной, та же бежит навстречу и прижимается к нему. Он рассеянно обнимает ее, готовясь к тому, что должно произойти.

Турвель. Вы опоздали на пять минут, а я уже умираю от страха. Почти убедила себя в том, что вас больше не увижу.

Вальмон осторожно высвобождается, чтобы видеть ее.

Вальмон. Мой ангел.

Турвель. С вами так бывает?

Вальмон. Ну, разумеется. Сейчас, например, я абсолютно убежден, что я вас больше не увижу.

Пауза.

Турвель хмурит лоб. Пытается вникнуть в смысл.

Турвель. Простите?

Вальмон. Меня заела скука. Я ничего не могу с собой поделать.

Турвель. Что это значит?

Вальмон. Четыре месяца, шутка ли. Вот я и говорю: ничего не могу с собой поделать.

Турвель. Вы хотите… вы хотите сказать, что вы меня уже не любите?

Вальмон. У моей любви оказалось короче дыхание, чем у вашей добродетели. Я ничего не могу с собой поделать.

Турвель. Вы… из-за этой женщины?

Вальмон. Вы угадали, я вам изменял с Эмилией. В числе прочих. Я ничего не мог с собой поделать.

Турвель. За что вы со мной так?

Вальмон. Может быть, мне нестерпимо видеть вашу беззащитность. Как бы там ни было, я ничего не могу с собой поделать.

Турвель. Нет, не верю!

Вальмон. Есть женщина. Нет, не Эмилия, другая. Женщина, которую я обожаю. К сожалению, она требует, чтобы я от вас отказался. Я ничего не могу с собой поделать.

Неожиданно Турвель набрасывается на Вальмона с кулаками. Они схватываются с молчаливым ожесточением, пока у Турвель не вырывается

крик.

Турвель. Низкий лгун!

Вальмон. Вы правы, я лгун, а вы верная жена. Так распорядилась природа, а от природы не уйдешь. Увы, я ничего не могу с собой поделать.

Турвель. Вы замолчите или нет? Что вы заладили, как попугай?

Вальмон. Виноват. Я ничего не могу с собой поделать.

Турвель истерически кричит.

А что, если вам завести другого любовника?

Турвель, обливаясь слезами, мотает головой, и что-то бормочет сквозь стоны.

Впрочем, дело ваше. Тут я ничего не могу поделать.

Турвель. Вы хотите меня добить.

Вальмон решительно к ней подходит и, взяв за волосы, рывком запрокидывает голову кверху — у Турвель шоковая реакция, на несколько секунд она затихает.

Вальмон. Слушайте. Слушайте меня внимательно. Вы подарили мне блаженство. Но, оставляя вас, я не могу себе позволить роскошь

жалости. Так устроен мир. Я ничего не могу с собой поделать.

Турвель, рухнув на стул, беспомощно рыдает. Вальмон направляется к выходу, но в дверях оборачивается. Секундное выражение торжества сменяется болезненной горестной гримасой. В глазах страх и раскаяние. Кажется, еще мгновение, и он к ней бросится. Вместо этого он отворачивается и виновато выскальзывает из залы.

Сцена шестая

Спустя неделю. Декабрьский вечер. Гостиная Метрей. Хозяйка дома что-то пишет за изящным бюро.

После паузы в дверях появляется Вальмон. Опять-таки без предупреждения. Метрей не сразу слышит приближающиеся шаги и отзывается с опозданием, не оборачиваясь.

Метрей. Это вы? Я вас ждала позже.
Вальмон. Правда?

Метрей резко поворачивается и видит Вальмона, отвешивающего ей преувеличенный поклон.

Давно хочу вас спросить: чем кончилась история, которую вы мне рассказали?

Метрей. Какая история?

Вальмон. Ну, как же. После того, как один ваш хороший знакомый воспользовался советом вашей не менее хорошей приятельницы… эта женщина… она его простила?

Метрей. Вы, что же…

Вальмон. После нашего разговора, на следующий же день, я разорвал с мадам де Турвель. Причина? Я ничего не мог с собой поделать.

На губах Метрей появляется улыбка высшего торжества.

Метрей. Не может быть?

Вальмон. Может.

Метрей. Вы не шутите?

Вальмон. Слово чести.

Метрей. Какой рыцарский поступок. Вот уж не думала, что вы на это пойдете.

Вальмон. Чем раньше, тем лучше.

Метрей. Последствия, надо думать, были плачевные.

Вальмон. Когда я уходил, она лежала в полуобморочном состоянии. Наутро я решил ее проведать.

Метрей. Вы поехали к ней?

Вальмон. Мне было отказано от дома.

Метрей. Да что вы?

Вальмон. Я, навел справки. Она отбыла в монастырь.

Метрей. Та-ак.

Вальмон. Где и находится по сей день. Если вдуматься, вполне логическое завершение. Она как бы овдовела.

На секунду задумывается и снова, сияющий, обращается к Мертей.

Вы меня все убеждали, что моя репутация под угрозой, а по-моему, это мой самый блистательный триумф. Новая точка отсчета. Я готов бросить вызов кому угодно: пусть попробуют меня превзойти. Лишь одно, пожалуй, могло бы еще выше поднять мою славу.

Метрей. Что же?

Вальмон. Способность вернуть ее любовь.

Метрей. Вы думаете, это вам по силам?

Вальмон. Почему бы и нет?

Метрей. Я вам скажу почему? Когда одна женщина наносит другой удар в сердце, рана обычно бывает смертельной.

Вальмон. Вы полагаете?

Метрей. Убеждена! Ваша затея обречена на провал, хотите пари?

С лица Вальмона сползает выражение самодовольства.

Я, знаете, тоже расцениваю это как свой триумф.

Вальмон. Ничто не доставляет женщине такой радости, как победа над другой женщиной.

Метрей. Да, но моя победа, виконт, была одержана не над ней.

Вальмон. Не над ней? Над кем же?

Метрей. Над вами.

Долгое молчание. В глазах Вальмона поселяется тревога. Что касается Метрей, то она. почти воркует.

И это такое наслаждение, такой восторг.

Вальмон. Вы сами не понимаете, что говорите.

Метрей. Вы любили эту женщину, виконт. И продолжаете любить. Отчаянно. Вы стыдились своего чувства, не потому ли вы с ней и обошлись так жестоко? Даже мысль о том, что вы можете стать мишенью для насмешек, была для вас нестерпимой. Кстати, это подтвердило мою старую догадку: тщеславие и счастье в любви

несовместимы.

Вальмон получил чувствительный удар, и ему приходится сделать над собой усилие, чтобы продолжить разговор.

Вальмон. Это все отвлеченные рассуждения, а есть конкретный факт: теперь ваш черед принести жертву.

Метрей. Вы уверены?

Вальмон. Дансени должен исчезнуть.

Метрей. Куда?

Вальмон. Я долго смотрел сквозь пальцы на вашу маленькую прихоть, но всему есть предел, и я вынужден настаивать на том, чтобы вы положили этому конец.

Молчание.

Метрей. Если я не вышла вторично замуж, то вовсе не потому, что не было претендентов: я дала себе слово, что впредь никому не позволю собою помыкать. Я подумала: уж если лгать, то в свое удовольствие, а не по принуждению. Так что я попросила бы вас оставить этот супружеский тон.

Вальмон. Она в ужасном состоянии. Это я довел ее до такого состояния. Из-за вас. В ответ я требую

ничтожную малость, чтобы вы бросили этого серого мышонка.

Метрей. Вам еще не надоело запугивать женщин?

Лицо Вальмона каменеет.

Вальмон. Ну что ж. Придется без обиняков. За вами одна ночь. Я не потерплю, чтобы мне еще раз вежливо указали на дверь.

Метрей бросает взгляд на часы, стоящие на бюро.

Метрей. Мне очень жаль, но сегодня ничего не получится.

На лице Вальмона появляется горькая усмешка.

Вальмон. М-м-м. Совсем вылетело из головы. Я ведь с этим шел. Слово за слово, и вот забыл.

Метрей. Да?

Вальмон. Дансени вы можете не ждать. Сегодня, во всяком случае.

Метрей. Это еще почему? Почем вы знаете?

Вальмон. Мне ли не знать, если я устроил ему ночь с Сесиль.

Обворожительная улыбка.

Да-да, теперь вспомнил: он обмолвился, что должен быть у вас. Я объяснил, что придется выбирать. И, знаете, он не секунды не колебался. Сесиль написала письмо под мою диктовку, чтобы его, так сказать, немного расшевелить, но это оказалось излишним. Он знал, чего он хочет.

Метрей. А я теперь знаю, чего хотите вы.

Вальмон. Завтра он сам все объяснит, и предложит вам… сейчас, как же он выразился? Ах да… вечную дружбу. Вы были правы, он предан вам бесконечно.

Метрей. Довольно, виконт.

Вальмон. В самом деле. Поднимемся наверх?

Метрей. Куда?

Вальмон. Наверх. Или вы предпочитаете «полурайское ложе»? Так, кажется, вы окрестили этот диван?

Метрей. По-моему, вам пора, виконт.

Пауза.

Вальмон. Не уверен. Нас связывает соглашение. Я вынужден настаивать на том, чтобы оно было выполнено безотлагательно.

Метрей. Виконт, затевая эту игру, вы должны отдавать себе отчет: мои шансы предпочтительнее.

Вальмон. Что ж, как известно, тонут те, кто лучше плавает. Короче. Да или нет? Решайте сами. Но должен предупредить: «нет» будет расценено как объявление войны. Итак. Одно слово.

Метрей. Хорошо.

Ее глаза смотрят безмятежно, и он уже готов поверить, что решение будет благоприятным. И в этот момент следует ответ, спокойный, властный.

Война.

Затемнение.

Сцена седьмая

Туманное декабрьское утро в Венсенском лесу. Светает. В одном конце сцены Вальмон и Азолан, в другом Дансени и его слуга. Вальмон, не торопясь, выбирает шпаги, взвешивая их в руке. Дансени, уже в рубашке, с обнаженной шпагой, нервно переминается с ноги на ногу. Наконец, скрывается.

Дансени. Я в вас свято верил, а вы шутя делали из меня дурачка! Но учтите, здесь вам не поможет

никакой обман!

Слуга неодобрительно поглядывает на своего хозяина. Вальмон реагирует невозмутимо на это нарушение этикета.

Вальмон. Я бы вам рекомендовал приберечь свой пыл для предстоящего поединка.

Выбор сделан. Вальмон кладет шпату на землю. Азолан помогает ему снять камзол и надеть на руку черную перчатку. Противники занимают исходные позиции.

По знаку Азолана начинается жестокая дуэль, в которой мастерству Вальмона противостоит агрессивность Дансени. При том что они достойные соперники, Вальмон кажется чуть опаснее. Однако именно Дансени по счастливой случайности удается легко ранить соперника.

После короткого вмешательства Азолана дуэль возобновляется. Инициативой уже владеет Дансени. Вальмон, похоже, утратил всякий интерес к поединку, и когда противник, увлекшись атакой, слишком открывается, Вальмон не спешит воспользоваться этим «подарком».

Дансени делает выпад, и его шпага входит под самое сердце. После секундного замешательства Дансени извлекает из тела шпагу и пятится:

Вальмон, сделав несколько неверных шагов ему навстречу, падает. Азолан проворно опускается на одно колено и поднимает голову раненого.

Вальмон. Холодно.

Азолан бежит за камзолом. Дансени поворачивается к своему слуге.

Дансени. Врача, живо.
Вальмон. Нет. Нет.
Дансени. Ступай, я сказал.

Слуга уходит. Азолан укрывает хозяина. Дансени стоит поодаль, ощущая неловкость своего положения. Вальмону приходится сделать большое усилие, чтобы противник расслышал его слова.

Вальмон. Вы не подойдете поближе?

Дансени неохотно выполняет его просьбу. Вальмон хочет приподняться на локте. Азолан приходит ему на помощь.

Две вещи. Добрый совет, котором вы, конечно, вправе пренебречь. И просьба.

Он вынужден перевести дыхание.

Дансени. Я слушаю вас.

Вальмон. Совет: остерегайтесь маркизы де Метрей.

Дансени. С вашего позволения, ко всему, что вы изволите сказать о ней, я принужден относиться скептически.

Вальмон. И все же: в этом деле мы оба исполняли ее волю.

Дансени обдумывает его слова.

Дансени. А просьба?

Вальмон. Постарайтесь как-нибудь увидеть мадам де Турвель.

Дансени. Я слышал, она очень больна.

Вальмон. Тем важнее это сделать. Скажите ей, что я сам не понимаю, как я мог обойтись с ней так жестоко, но с той минута моя жизнь кончилась. Скажите ей, что для нее так лучше, а я… я рад умереть, так как жизнь без нее невозможна. Скажите ей, что если я когда-нибудь был по-настоящему счастлив, то только с ней.

Дансени. Я передам.

Вальмон. Благодарю.

Молчание нарушают лишь птичьи голоса. Дансени, расчувствовавшись, смахивает слезу. Заметив это, Азолан дает выход своему негодованию.

Азолан. Теперь можно и всплакнуть.

Вальмон. Оставь его. Он знал, во имя чего. Боюсь, что про меня никто этого не скажет.

Он протягивает руку Дансени, но тот не успевает взять ее. Вальмон мертв.

Сцена восьмая

Сочельник. Гостиная Метрей. За ломберным столиком три дамы — Хозяйка дома, Воланж и Роземонд. Последняя в трауре.

Какое-то время карточная игра идет молча, пока не приходит через Роземонд — она погружена в свои мысли, Метрей деликатно покашливает, но это не дает желаемого результата. Тогда Воланж трогает Роземонд за локоть.

Воланж. Мадам.

Роземонд вздрагивает и возвращается к действительности

Роземонд. Извините. В моем возрасте живешь надеждой, что тебя, по крайней мере, не коснется смерть близких. А тут сразу двое за какую-нибудь

неделю.

Метрей. Да, мадам.

Воланж. Знаете, о чем я подумала? Год назад, когда вы были в Париже, помните наш разговор? Мы задались вопросом, кто из нашего окружения больше других счастлив и достоин зависти. И в один голос сказали: мадам де Турвель.

Метрей. Вы, кажется, были с ней рядом в последние минуты?

Воланж. Все время, со дня ее проезда в монастырь. На нее невозможно было смотреть без содрогания. Как она срывала окровавленные бинты. Как бредила, угасая на глазах.

Метрей Слушает с непроницаемым лицом, и только радостный блеск в глазах мог бы ее выдать. Воланж со вздохом продолжает.

И все же я думаю, она бы еще встала на ноги, если б этот незадачливей молодой человек не исхитрился сообщить ей о смерти вашего племянника. После этого она утратила волю к жизни. Как я поняла, перед смертью виконт уверял Дансени в том, что, кроме мадам де Турвель, он никого и никогда не любил.

Метрей. Довольно!

Всех, включая саму Метрей, пугает резкость

этого невольно вырвавшегося восклицания. Метрей спешит загладить неловкость, обращаясь полушепотом к Воланж.

Давайте пощадим чувства мадам.

Роземонд. Нет, ничего. Я ведь тоже в этом убеждена.

Метрей. Воля ваша, но узнать, наверное, нам уже не суждено…

Ее голос дрожит и, чтобы овладеть собой, она меняет тему.

А что ваша дочь?

Воланж. Стоит на своем. Я уж с ней и так и этак — ни в какую. Месье де Жеркур должен быть со дня на день. Что делать, ума не приложу. Неужели отказаться от такой выгодной партии?

Метрей. Разумеется, нет.

Роземонд. Боюсь, что да.

Воланж. Но почему?

Роземонд. Позвольте мне не отвечать.

Метрей. Мадам, мне кажется, что, советуя пожертвовать столь блестящим будущим, следовало бы привести доводы.

К ней вернулся бойцовский дух, голос стал сухим и уверенным.

Воланж. Скажу вам прямо, мадам. Хоть Дансени и совершил преступление, я бы предпочла видеть свою единственную дочь его женой, чем монашкой.

Роземонд. Кстати, Дансени прислал мне с Мальты довольно странное письмо.

Воланж. Ну да, он ведь, кажется, бежал на Мальту.

Воцаряется молчание, во время которого Метрей взвешивает слова Роземонд, после чего обращается к Воланж.

Метрей. А знаете, дорогая, по зрелому размышлению я склоняюсь к тому, что вам стоит положиться на мудрость и опыт мадам де Роземонд. Право, будет лучше, если Сесиль останется в монастыре.

Воланж. Но почему?

Вопрос повисает в воздухе. Молчание в конце концов нарушает Метрей, успевшая обрести привычную уверенность.

Метрей. Мы пережили трудное время. А дни летят. Завтра Новый год, а там, глядишь, и конец восьмидесятых. Раньше я боялась старости, сейчас нет: что Господь ни посылает, все благо.

Смею думать, мы можем без опасений глядеть в будущее. Что ж, продолжим игру.

Слова Метрей действуют на обеих дам умиротворяюще. Игра возобновляется, все дышит покоем.

Свет медленно гаснет, на заднике проступают явственные очертания гильотины.

Занавес